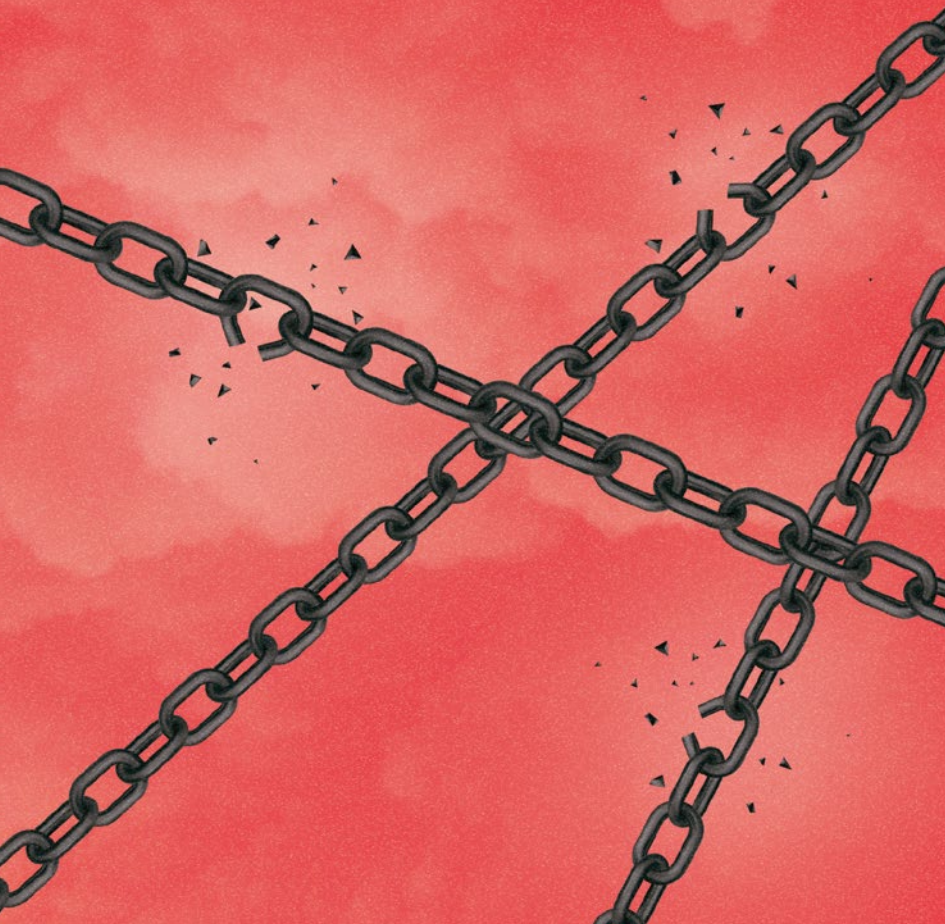




# «НЕТ ВОЙНЕ»

*40 историй россиян, выступающих  
против вторжения в Украину*



# «НЕТ ВОЙНЕ»

*40 историй россиян, выступающих  
против вторжения в Украину*



## «НЕТ ВОЙНЕ»

40 историй россиян, выступающих против вторжения в Украину

ISBN 978-1-948784-05-4

Ведущий редактор | Вадим Мещеряков

Редакторы | Алсу Курмаш, Регина Хисамова

Литературные редакторы | Александра Финогенова, Павел Мионов

Корректор | Евгения Алиевская

Дизайн обложки | Рим Сайфутдинов

Верстка | Ян Кравчик

Рассказы читают | Игорь Севрюгин, Антон Бенедиктов,

Ксения Соколянская, Егор Максимов, Алсу Курмаш, Рамазан Алпаут,

Мария Яблонская, Сайхан Цинцаев, Андрей Шароградский

Монтаж звука | Регина Хисамова, Алсу Курмаш

Эта книга состоит из сорока рассказов жителей Поволжья, которые выступили против российского вторжения в Украину в первые шесть месяцев войны. Методы их борьбы абсолютно разные: от одиночных пикетов и публикаций в социальных сетях — до антивоенных инициатив и разговоров с родственниками. Все герои книги так или иначе пострадали из-за своих взглядов: многих задерживали полицейские, другие подвергались штрафам, несколько человек уволили либо исключили из вуза, другие вынуждены были покинуть страну, а кто-то ждет приговора в заключении. В то же время объединяет их одно: желание сопротивляться этой бессмысленной войне.

Книга подготовлена на основе интервью, которые выходили на сайте «Idel.Реалии» и записаны журналистами: Екатериной Маяковской, Андреем Григорьевым, Екатериной Лушниковой, Артуром Асафьевым (российские власти считают всех четверых «иностранными агентами»), Константином Силиным, Дарьей Комаровой, Вадимом Мещеряковым, Тодаром Бактемиром, Дмитрием Любимовым, Римой Абдрашитовой, Владой Дубровской.

В книге есть QR-коды. Просканируйте их, чтобы прослушать каждую историю. Если код не работает, найдите аудиокнигу на стриминговых сервисах по названию «НЕТ ВОЙНЕ. 40 историй россиян, выступающих против вторжения в Украину».

«Idel.Реалии», Татаро-башкирская редакция

Радио Свободная Европа/Радио Свобода, RFE/RL, Inc.

## Рецензии

**К**нига состоит из записанных монологов людей, в основном из Приволжского федерального округа (Татарстан, Башкортостан, Саратов, Пенза, Кировская область), обнаруживших себя после 24 февраля в состоянии войны, которую они не объявляли и о начале которой их никто не спросил.

Сорок человек с антивоенной позицией, согласившихся рассказать о своём опыте и назвать своё имя — само по себе бесценное свидетельство времени. Чьи-то имена стали известны благодаря задержаниям, арестам и уголовным преследованиям, но большинство говорящих, что называется, простые люди.

Чтение книги хорошо показывает, сколь непросто каждый такой человек: как герои сборника формулируют, как описывают свои чувства, как стараются передать невыразимое словами — дереализацию, ощущение иллюзорности происходящего, стыд, тоскливый страх, чувство одиночества и бессилия. Во многих текстах повторяется следующая последовательность: вокруг меня много хороших людей, которые думают, как я, но молчат — много также и тех, кто поддерживает всё происходящее, и от этого страшно — но моя главная опора в самом себе, в сознании, что нельзя было не сделать того, что я сделал.

Методы протеста, выбранные людьми, находящимися внутри невыносимых ограничений, иногда очень изобретательны: вплела зелёную ленту в косу (задержали), вытоптал в снегу надпись «РФ — оккупанты»

(вызвали в полицию для беседы, покинул Россию). Но чаще это просто разговоры: попытался объяснить, выразил свою точку зрения, приводил аргументы, поставил маме на телевизор научно-познавательные программы вместо госканалов (подействовало через месяц). Рефреном повторяется «не хочется уезжать», «уезжать не планирую», «здесь мои близкие, моя работа». Некоторые из героев сборника, как нетрудно увидеть по новостям, Россию уже вынуждены были покинуть.

Кумулятивное впечатление, возникающее по прочтении, можно, пожалуй, описать как одновременно безнадежное и обнадеживающее (сочетание, казавшееся невозможным в прежней реальности, но сейчас вполне уяснимое). С одной стороны, в каждом рассказе слышится голос растерянного человека, понимающего, что ничего не делать нельзя, но любое действие бессмысленно: какие-то безвредные микро-поступки вызывают неадекватную реакцию, лязгающая полицейская машина разворачивается всей своей тяжестью, увидев девушку с зелёным бантиком или нарисованное на бумаге сердечко, а вокруг ледяная пустыня, населенная людьми, которые всё понимают, ни в чём не виноваты и навсегда немые. С другой — сама языковая форма, в которой эти люди рассказывают о своём опыте, — это речь свободного человека, сомневающегося, рефлексизирующего, сознающего свою слабость и неуязвимость в постоянном присутствии своей совести.

**Екатерина Шульман, политолог**  
(15 апреля 2022 года признана российскими  
властями «иностранным агентом»)

**В**ойна, развязанная Россией против Украины, неожиданным и самым явным образом заставила общность людей, живущих в России, искать собственную малую идентичность, разбиться на группы. Определить себя кем-то отдельным среди «вообще людей», которые, как может показаться, в едином порыве поддерживают безумное массовое убийство. Это стало ответом на коллективное чувство вины, как минимум на коллективное чувство ответственности, попросту «круговую поруку», которой Кремль решил связать всех людей с российскими паспортами, начав от их имени так называемую «специальную военную операцию». Только после начала войны стало заметно, как стремительно стали расти противопоставления «всех» и «каждого»: бедные за войну, но я не бедный, я против войны. Провинция за войну, но я живу в городе, я против войны. Чиновники за войну, но я не госслужащий. Учителя за войну, но это не все, а только немолодые, несчастные учителя, а я молод и я против. Русские за войну, но я не русский, я еврей, татарин, башкир, я тоже русский, но я против. Соседи за войну, но мы не такие, мы отдельно.

Спасительное «я», впервые с тех пор, как каждому приходилось учиться самостоятельно зарабатывать на кусок хлеба в 90-е, приходит на выручку тем, кто не хочет, чтобы бомбы падали от их имени.

Книга «НЕТ ВОЙНЕ» — сборник очень простых историй частного подвига людей, которые не просто обособились от коллективного российского милитариста, но и сказали об этом открыто. Совершили поступок, который однажды позволит их именем вернуть

себе что-то общее. Когда пелена спадет и осознание произошедшего постучится в дом.

Мы, жители Набережных Челнов, были против войны, как наша SMM-специалистка Альбина. Мы, башкиры, мы, марийцы, мы, татары, были против, как студентка Мария, как учительница математики Елена, как логист Искандер.

Рассказы этих людей однажды вернут нам право называть себя татарами, башкирами, марийцами, русскими, жителями Поволжья, россиянами, людьми. Точные и тонкие истории сопротивления будущему стыду однажды позволят жителям России опять называть себя россиянами, отделившими себя от разжигателей войны, но не потерявшими право быть друг с другом.

Тимур Олевский, журналист

**К**огда страна погружается во мрак, очень важно знать: есть те, кто могут и смеют выйти на площадь, чтобы немного подсветить, назвать вещи своими именами — войну войной, тирана тираном. Читаешь про них, смотришь на них, и кажется, что есть ещё надежда. Спасибо им за это.

Сергей Хазов-Кассиа, журналист, писатель

**Б**ыть в России против войны сегодня, выступать против зла публично, не таясь, — это не только редкое мужество, но и спасение. Спасение своего собственного человеческого достоинства. Спасение чести своих народов, живущих под шовинистическим

и милитаристским прессом. Спасение чести государства, превратившегося в мачеху для этих народов. Когда морок войны рассеется, о подвижничестве героев этой книги будут вспоминать с благодарностью, может, даже с благоговением, как мы сегодня вспоминаем о самоотверженности тех, кто вышел на Красную площадь, протестуя против советской оккупации Чехословакии.

**Виталий Портников,**  
украинский журналист, автор  
и ведущий программы «Дороги к свободе»

**С** самого 24 февраля весь мир задает одни и те же вопросы. Почему россияне не протестуют против войны? Почему они это поддерживают?

Я понимаю, как рождаются эти вопросы. Мне и самой казалось в первые дни, что достаточно выйти на улицу и дёрнуть за рукав ближайшего прохожего — «Эй, вы знаете, что творится?» — чтобы, как снежный ком, покатилась если не революция, то волна протеста, да такая, проигнорировать которую будет нельзя. Я была уверена — и до сих пор не до конца эту уверенность растеряла, — что ни один здравомыслящий человек в России не поддержит агрессивное вторжение в Украину. Войну с соседним и самым близким (когда-то) народом.

Но покати́лся другой снежный ком — блокировок и поправок в законы, которые сделали любое антивоенное высказывание невозможным. Слова «НЕТ ВОЙНЕ» стали запретными. Любой призыв к миру криминализован. И наказуем. Плакат в одиночном пикете, пост в соцсети, даже сочетание цветов — жёлтого и синего — это



протокол, штраф и перспектива уголовного дела. И ответ на вопрос: «Почему?»

Но эта книга говорит нам о том, что те же самые вопросы можно начать с другого слова. Не «почему», а «разве». Разве россияне не протестуют против войны? Разве они это поддерживают?

Да нет, россияне протестуют. Нет, люди не поддерживают войну — и многие говорят об этом вслух, платя ту цену, которую назначает тоталитарная власть. Книга фиксирует этот очень важный момент, не слишком заметный извне.

Светлана Прокопьева,  
журналист «Север.Реалии»

**25** августа 1968 года восемь молодых людей вышли на Красную площадь с протестом против введения войск советского блока в Чехословакию. Они держали плакаты, самый известный из которых — «За вашу и нашу свободу». Демонстранты были арестованы, избиты, помещены в психушки, выдворены из страны. Этот политический, моральный (и, как казалось, романтический) шаг отозвался мощным эхом в истории подпольных движений Советского Союза, а для наших современников, людей «времен путинизма», стал камертоном поведения в протестных акциях. Не случайно с 2008 года ремейк акции-68 повторялся на Красной площади четырежды, в 2013 году — с участием Натальи Горбаневской, в последний раз — в 2018 году, когда была задержана её внучка Ася. Когда массовая волна протестов в России падала, когда гайки закручивались, единичные пикеты стали оружием протестующих.

Я вспоминаю сейчас опыт диссидентской демонстрации-68, чтобы подчеркнуть традицию народного сопротивления, которая отражена в книге интервью с протестующими против вторжения России в Украину. Меня потрясает и личная, и политическая смелость людей, которые выходят на антивоенные протесты в России. Тех людей, которые открыто дали эти интервью.

Поразительно то, как их личные чувства и мораль связаны с политическим протестом против российского вторжения. Это совершенно простые люди, которых будет обвинять ФСБ и прокуратура, которых суд будет приговаривать не по закону и совести, а по запросу силовиков. В удачных случаях (но далеко не всегда) этих активистов сможет защитить адвокатский и правозащитный корпус. Протестующие последней антивоенной кампании оказываются беззащитны перед произволом, что описано в их свидетельствах: их подвергают моральным и физическим издевательствам, их задерживают незаконно, в их квартиры вламываются. Но это их нисколько не смущает и не останавливает. Они настаивают на своей моральной позиции. Их воля к сопротивлению поразительна. Это настоящие патриоты России, а вовсе не те, кто рисует в их городах букву Z и призывает сплотиться в военных преступлениях в Украине. Патриоты своих городов, «рассерженные горожане», свободные жители Урала и Поволжья, позицию которых сформулировал Юрий Шевчук, уроженец Уфы: «Родина — это не ж..а президента».

С большой сердечной поддержкой и профессиональным интересом я читала свидетельства протестующих из Уфы, из университетской Казани, из Перми — мощ-

ных интеллектуальных центров, больших городов. Некоторые молодые респонденты вышли на акции протеста впервые, их заставила это сделать война России против Украины. Другие были давно мобилизованы штабами Навального — то, что сейчас его структуры разгромлены, не сломило людей. Третьи, постарше, выходили на протесты давно и не собираются отказываться от своих практик мирной уличной борьбы.

Практически все интервью начинаются с описания момента российского вторжения 24 февраля и личных чувств респондентов. Шок, гнев и ярость, некоторая растерянность, затем собранность и желание персонального ответа в публичном пространстве своих городов. Описание действий силовиков, реакций прохожих. Очень важный кейс — реакция родных, стратегии поведения с теми из близких, кто не поддерживает антивоенные реакции протестующих; есть несколько прекрасных рецептов коммуникации.

Сновидения о войне, то есть включение психического переживания в поле политического высказывания. Городской художественный акционизм, антивоенный феминистский голос, антивоенный голос ЛГБТ-сообщества. Один из видов скрытого антивоенного протеста — изучение украинского языка и просмотр украинских каналов. Большинство опрошенных не собирается покидать Россию, несмотря на настоящий террор против них. Нужно отметить и то, что протестующие выходили на улицы до введения закона против антивоенных высказываний. Прошло несколько дней с момента «спецоперации», пока власть не ввела настоящую военную цензуру.

Наконец, важнейшие свидетельства протестов из университетской и школьной практики. Известно, что бюджетники подвергаются большому давлению администрации, многие университеты Москвы и Питера сдались под этим давлением. Но не таковы герои этой книги: они оспаривают одобрение войны своими руководителями, пишут открытые письма без страха потерять работу. Преподаватели дают пример студентам, студенты поддерживают своих учителей: это необыкновенный и волнующий опыт солидарности. Тут я снова вспомню Чехословакию после 1968 года, так называемую историю советской «нормализации», когда несогласных с политикой советского «старшего брата» увольняли, лишали работы и права голоса. Но накопленный опыт гражданского сопротивления привел в конце концов к свободе страны. В нужное время, в необходимый исторический и политический момент, с необходимым лидером — Вацлавом Гавелом. Этот момент должен настать и для России, которая переживает сейчас волну распада имперских амбиций, а не «победу русского оружия» на украинском фронте.

«Война за территории» в современном политическом смысле откровенно глупа, а война в том виде, в котором её ведёт Россия в Украине, приведёт только к международному трибуналу. Это понимают граждане России, которые выходят на антивоенные пикеты и не хотят позора своей страны. Хотя, похоже, он неизбежен.

Я верю в то, что голоса людей, собранные в этой книге, не пропадут в тумане современной политической истории. Не будут забыты в новостных лентах и Telegram-каналах, которые говорят о новых военных

преступлениях России в Украине, или в провоенных пабликах, которые агитируют за «спецоперацию». Голоса живых свидетелей антивоенного сопротивления важнее для истории, чем серые зоны умолчания в духе «не всё так однозначно» и черные зоны, помеченные буквой Z.

**Елена Фанайлова**  
обозреватель Русской службы Радио Свобода

## Предисловие. Стадия непринятия

Годами, уже смело можно сказать, поколениями, напрягая и наращивая мощности пропаганды всех видов, режим транслировал гражданам одни и те же несложные мысли: сидите тихо, будьте довольны тем, что имеете, не лезьте в политику, без вас разберутся. Для лучшего усвоения этих нехитрых установок власть раскручивала маховик репрессий, показывая тем, кто только задумался о протесте, что бывает с иными, кто уже активно выступает против комфорта бездействия.

Вводились всё новые статьи уголовного и административного кодексов, нормой становились их вольные и удобные для власти трактовки на местах. Разрастался силовой аппарат, давились и громились СМИ. Суды, принимавшие только «нужные» решения, дискредитировали себя за последние двадцать лет не меньше, чем российская армия за прошедшие с начала войны полгода. Оппоненты государственной вертикали выдавливались из страны, были убиты, посажены по сфабрикованным делам, а срок за мирный протест или неаккуратный репост стал сравним с тем, что дают за убийство.

Как следствие, начало войны застало российское общество именно в том состоянии, в которое его планомерно вводила власть на протяжении последних двух десятков лет, — безразличие, отрицание, апатия.

Почти все герои этой книги помнят, что они делали 24 февраля 2022 года, что чувствовали, когда, быть может, опостылевший, но привычный порядок вещей перестал существовать. Когда мир, который они знали, был разрушен, а планы и надежды, до того скрытые туманом неопределённости, заволок едкий и кислый пороховой дым. С этим новым укладом они решили бороться теми способами, что были для них доступны.

В первые дни и даже недели войны на улицах российских городов собирались пусть не такие многочисленные, как бы многим хотелось, но всё же массовые акции протеста. По инерции, надеясь на то, что будут услышаны и смогут что-то изменить, шокированные, горяющие и изнывающие от ощущения бессилия люди шли на улицы, чтобы сказать своё «нет» преступлению, в которое режим решил втянуть всю страну.

Выйти на улицы и увидеть, что ты не один, — таким был другой мотив многих в конце февраля и начале марта. По привычке люди рисовали плакаты, скандировали простые, но такие точные лозунги вроде «Нет войне» и хлопали друг другу в ладоши. Вышли герои, вышли те, кто, зная, чем грозит эта минимальная гражданская активность в стране, где информационная автократия сменяется диктатурой, всё равно приняли для себя, что совесть и справедливость дороже штрафа, сильнее дубинок. Гордые, они были подавлены превосходящими силами противника. Власть была готова задушить протест в самом зародыше, используя свою безусловную монополию на насилие.

Протест, однако, не был разбит. Он был рассеян, и семена его разнеслись с площадей столиц по улицам

и кухням городов всей страны. Он стал тихим, но более массовым. Если раньше недовольные тем или иным решением властей, но не готовые выйти на митинги ещё могли успокаивать себя тем, что есть люди, кто выйдут на улицы «за вашу и нашу свободу», то теперь, видя обречённость массовых акций, люди стали действовать — кто как может.

Акции сопротивления лишились драматичности столкновений с полицией, но через повседневность стали проникать в сознание всё большего числа граждан: через пост или репост; через надпись на заборе и в переходе, на футболке; через одинокого гражданина, стоящего на обочине с плакатом «Я за мир» — подсудное нынче дело. Под угрозой быть задержанными, избитыми, оштрафованными запуганные лишением родительских прав отцы и матери, опасющиеся волчьего билета учителя, приходящие в ужас от сознания безысходности студенты — граждане России избрали путь неповиновения, борьбы с устрашающей действительностью и обречённостью, в которую вверх их режим после 24 февраля.

В тот день россиянам — каких бы взглядов они ни придерживались — был объявлен смертельный диагноз. Кто-то расслышал его, но не понял. Кто-то решил, что это вовсе не диагноз и уж точно не смертельный. Кто-то внушил себе, что их это не касается. Но другие — герои этой книги из их числа — в слове «война» разглядели всё то, что за ним стоит: страдания, упадок, бедность, смерть физическую и смерть моральных принципов, на которых они были воспитаны.

Власть быстро спохватилась, она переименовала диагноз, назвав его «специальной военной операцией»,



запретила называть войну войной, а осмелившимся не подчиниться пригрозила неслыханной ответственностью — от штрафов, несоразмерных доходам большей части населения, до заключения в колонию сроком до 15 лет. За слово, за мысль. Власть дала очень чёткий сигнал: закрой глаза, не видь зла, не говори зла — и тебе ничего не грозит. А если посмеешь открыть рот, заявить, например, как один из героев этой книги: «Я за мир» — то получишь статью за «дискредитацию вооружённых сил». Нельзя быть за мир, нельзя быть против войны, нельзя слушать совесть. Это с тобой что-то не так, а не с окружающим тебя безумием, потому что безумие — это здравый смысл, правда — это ложь, а мир — это война. То есть «специальная военная операция».

Впервые в новейшей истории российское общество столкнулось с потрясением подобного масштаба. Каждый отреагировал и продолжает реагировать по-разному. Кто-то — их десятки, а может, и сотни тысяч — уехал, расставшись с родиной навсегда или ППЖ («Пока Путин Жив»). Но более ста сорока миллионов остались и разделились в своём отношении к происходящему. Объединяет их только одно — психологическая модель эмоционального поведения, известная как «Пять стадий принятия горя».

Введённая в обиход в конце 1960-х годов психологом Элизабет Кюблер-Росс, изначально она описывала поведение неизлечимо больных и их родственников, столкнувшихся с шоком страшного диагноза. Позже эту модель стали заимствовать профессионалы других сфер, и она получила другое название: «Пять стадий принятия неизбежного». Сегодня атомизированное,

апатичное в своей массе российское общество идет по этим стадиям, которые, как замечала Кюблер-Росс, хоть и проявляются последовательно, но не всегда сразу сменяют друг друга. Вот эти стадии: отрицание, гнев, торг, депрессия и, наконец, смирение (или принятие).

Есть в России те, кто поддерживает войну, подкрепляя свою позицию аргументами, любезно предоставленными пропагандой. Согласно соцопросам, их не подавляющее, но большинство (однако сложно верить в исследования, вопросы которых для респондентов могут звучать как «вы за войну или хотите в тюрьму?»). Находясь в отрицании, они не хотят слышать никакие аргументы, противоречащие их взглядам. На любой неопровержимый ужасающий факт этой войны они либо реагируют, как их приучила власть, — закрывают глаза и уши, — либо впадают в гнев, защищая комфортную для себя модель существования, где русский воин спасает от нацистов детей Донбасса или хотя бы «не всё так однозначно». Хотя «не-всё-так-однозначенцы» в большинстве своем скорее пребывают в стадии торга, пытаются договориться с действительностью, пойти с ней на мировую, найти баланс, в котором есть шанс не сойти с ума.

Через стадии депрессии (иногда весьма скоротечной) и в итоге принятия прошли многие из тех, кто уехал. Но в них до сих пор пребывают и миллионы тех, кто, оставшись, обессилел от кажущейся невозможности что-то изменить в своей стране или хотя бы быть в ней услышанными, принятыми во внимание.

Эти люди перестают читать новости, «подчищают» социальные сети, уходят в себя. Им кажется, что они одни в своем горе, что света в конце тоннеля не будет

и впереди ждёт только тьма. Но, как говорит один из героев этой книги, 29-летний юрист из Сызрани, «[когда] тебя загоняет во мрак, ты понимаешь, что, если хочешь остаться на светлой стороне, придётся переступить черту и перестать бездействовать». Он же в своем рассказе между делом говорит, что история его протеста «не совсем героическая... — не такая, как пишут в книгах» (стоит заметить, что его одиночный пикет удалось прекратить только силами десяти полицейских). Однако же, дав интервью в мае 2022 года, уже к сентябрю он оказался в книге вместе с другими, как и он, не смирившимися, не принявшими неизбежное, потому что мрак — не неизбежен, а значит, и мириться с ним нет никакого смысла.

Герои этой книги — всего 40 человек из тысяч, протестующих против войны, — жители Поволжья и соседних регионов. Они представляют разные страты, религии, национальности, разные профессии и взгляды. Среди них есть и те, кто «не интересовались политикой» до 24 февраля, и давно политизированные люди. Кто-то из героев годится другим во внуки, у кого-то есть родственники в Украине, а иные к соседней стране не имеют никакого отношения, но протестуют они — кто-то, вставая в одиночный пикет, кто-то постами в социальных сетях или пытаясь переубедить близких — с одной целью: они хотят остановить преступную войну и развернуть страну с пути, где конечная станция — пропасть.

Они пополняют списки задержанных (на конец лета 2022 года по всей стране уже насчитывается более 16 тысяч задержаний), их «кладут лицом в асфальт», им угрожают, их и их семьи запугивают. Кто-то уже ждет

приговора в СИЗО. Герои собранных в этом сборнике историй, записанных в первые шесть месяцев войны, испытывают страх, обиду, злость, но и воодушевление — они, как и писала Кюблер-Росс, проходят стадии постепенно, но эмоции наслаиваются друг на друга, иногда путаются. Однако эти люди далеки от стадии принятия. Скорее, делая осознанный выбор и протестуя, они пребывают в стадии активного неприятия. Они борются и для успокоения собственной совести, неспособные смириться с тем, к чему привела их страну нынешняя власть, и для того, чтобы вокруг те, кто против, видели: они не одни, а те, кто за или не определился, задумались. Главное, они борются, чтобы победить страх и бессилие. И в этом они преуспевают.

*Редакция «Idel.Реалии»*

## Ирина Ген

преподавательница  
английского языка, 45 лет  
Пенза, Пензенская область

Интервью записано  
в апреле 2022 года



**24** февраля мы вероломным образом нарушили территориальный суверенитет Украины и начали блицкриг по завоеванию всех украинских земель. Это шок и безумие. Ситуация, которая сейчас происходит в Украине, стала меня волновать буквально с самых первых минут вторжения. Я очень эмоционально и болезненно переживаю этот процесс. Мой папа родом из Украины. Кроме того, у меня есть родственники по маминой линии, которые в своё время переехали туда жить.

В училище олимпийского резерва, где я работала, многие дети стали интересоваться, почему мы превратились в страну-изгоя, почему весь мир от нас отвернулся. Я стала им объяснять, в чём кроются причины. В нашей стране преобладающее число населения всё-таки не владеет той информацией, которая распространяется в международных СМИ. Общаясь с детьми, я поняла, что они поддерживают войну, вторя мнению родителей. Я была глубоко поражена, что большинство людей из моего окружения поддерживает войну, находясь при этом в информационном вакууме, не понимая, что на самом деле там происходит.

Кто-то из детей в разговоре с родителями, видимо, упомянул, что у преподавателя по английскому языку совершенно другая точка зрения по поводу событий в Украине. У одного из учеников родитель работает в органах ФСБ. Я думаю, посыл сделать аудиозапись моих высказываний исходил именно от него, чтобы потом «слить» её в правоохранительные органы. Таким образом, мы сейчас пришли к доносам.

Почему-то именно эта ситуация, сложившаяся в мире по поводу Украины, оказалась очень болезненной для нашего общества, породив страх проиграть эту ужасную, чудовищную и несправедливую войну. Какой-то имперский территориальный ген доминирует в головах большинства людей, и они не понимают, что на самом деле за этим стоит, для чего мы это делаем, зачем нам это надо.

Наверное, восьмиклассники — это не та публика, с которой нужно вести такой разговор, но они тоже участники информационного процесса, который складывается вокруг нас. Я попыталась донести до них другую точку зрения и не жалею об этом. Единственная проблема в том, что я всё равно не достучалась до умов наших школьников.

23 марта я была на работе. Приехали двое сотрудников ФСБ и предложили мне немедленно проехать с ними. В Управлении ФСБ по Пензенской области мне сказали, что у них есть запись, на которой я 18 марта разговариваю с восьмиклассниками на различные запрещённые сейчас темы. Затем мне пояснили, что против меня будет возбуждено уголовное дело в связи с тем, что в своём разговоре с детьми я распустила

«фейки» о Вооружённых Силах Российской Федерации<sup>1</sup>, а именно — затронула тему бомбёжки роддома в Мариуполе<sup>2</sup>. После этого меня отпустили. 28 марта мне позвонил сотрудник ФСБ и пригласил проехать с ним в Следственный комитет. В этот же день в отношении меня возбудили уголовное дело за «распространение фейков» о Вооружённых Силах. Это показательная публичная порка, показательный публичный процесс, для того чтобы запугать наше общество ещё больше. И мне очень страшно.

1 апреля я уволилась из училища олимпийского резерва. Не потому, что меня попросили, это было моё спонтанное эмоциональное решение. Не очень приятно продолжать работать в учебном заведении, где с тобой произошла такая неприятная история. Директор и заведующий учебной частью отнеслись ко мне с пониманием, добротой и теплотой. Они сказали, чтобы я наняла хорошего адвоката, и пожелали мне удачи. На этом мы расстались.

Мои родители за меня очень переживают, они мои единственные близкие люди. При этом я не могу сказать, что папа разделяет мою точку зрения по поводу Украины, но он очень поддерживает меня. Из моего

---

<sup>1</sup> 4 марта Государственная Дума России ввела ответственность за распространение «заведомо ложной информации о деятельности Вооружённых сил РФ» и «дискредитацию использования российских войск». Наказание — от крупных штрафов до лишения свободы на 15 лет.

<sup>2</sup> 9 марта 2022 года были нанесены авиаудары по роддому в г. Мариуполь, в результате которых погибли несколько человек. 29 июня Управление Верховного комиссара ООН по правам человека подтвердило, что удары нанесла российская авиация. Власти России отрицают свою причастность к этому случаю.

окружения — как близкого, так и далекого — с моей позицией по этой ситуации не солидарен практически никто. С моими друзьями и знакомыми мы пришли к пониманию, что, если у нас расходятся точки зрения по теме Украины, мы вообще не поднимаем эту тему, иначе сразу начинаем ругаться. Если рядом с тобой нет единомышленников, то какой смысл пытаться доносить свою точку зрения другому человеку? У него своё мировоззрение, свои способы получения информации, соответственно, своя позиция по этому вопросу. Насколько же народ прозомбирован пропагандой, напичкан этими лживыми «источниками информации»! Возможно, будущее их всё-таки надоумит и позволит по-другому посмотреть на нынешние события. Однако в данный момент большая часть населения требует абсолютной победы над Украиной, и это ужасно. Страшно осознавать, что русские поддерживают войну.

Сейчас я частно преподаю английский язык, занимаюсь репетиторством и пока не планирую устраиваться на работу. Мне нужно понять, каков будет мой приговор<sup>3</sup>.

---

<sup>3</sup> В начале августа 2022 года суд приговорил Ирину Ген к пяти годам колонии условно. Суд установил, что, «испытывая стойкую неприязнь к президенту России, она во время проведения урока сообщила ученикам недостоверную информацию о том, что Вооружённые Силы РФ захватывают территории других государств, начали в 2014 году войну в Луганской Народной Республике и Донецкой Народной Республике; разбомбили роддом в Мариуполе; планировали свергнуть президента Украины; находясь на территории Украины, сбили самолёт иностранного государства — Boeing 777, принадлежащий Малайзии; занимаются присоединением и захватом чужих и расширением своих территорий».



## Искандер Ясавеев

социолог, 50 лет

Казань, Республика Татарстан

Интервью записано  
в марте 2022 года



**Н**очь в отделе полиции<sup>4</sup> с 27 по 28 февраля была первой относительно спокойной ночью, потому что предыдущие дни и ночи были ужасными. Мы следили за новостями и понимали, что сбывается самое страшное. Оторваться от этих новостей было невозможно, как и повлиять на происходящее.

Что оставалось делать? Только сказать, что я против — и быть наказанным. Когда я шёл на эту акцию, я понимал, что дело закончится арестом. Наша ситуация несопоставима с тем, что происходит в Украине. Даже спецприёмник — это просто детский сад. В той реальности — война, и с ней ничего нельзя сравнить. Ощущение внутреннего разлома будет продолжаться, и я не знаю, когда оно закончится. Может быть, никогда в ближайшей перспективе.

Я вышел из спецприёмника 4 марта и, можно сказать, оказался в дурдоме, попал в другую страну. Всё стало ещё кошмарнее. Единственный, с кем я обсуждал войну

---

<sup>4</sup> 27 февраля Искандера Ясавеева задержали за пикет с плакатом «Это война, а не «спецоперация». Нет войне»; 28 февраля суд арестовал его на 5 суток.

в Украине, стал безоговорочно уважаемый человек, кристально интеллигентный врач. Его арестовали за то, что он уехал с места дорожно-транспортного происшествия. Он, по его словам, не заметил, что слегка задел чужую машину, когда выворачивал. Его арестовали 28 февраля.

Он, как и я, ужасался происходящему, говорил, что в России 98% инструментов и расходных материалов — импортные, и он не знает, как дальше лечить людей, что для этого использовать. Это пример обычного человека, не политизированного, — но его оценки происходящего очень близки моим. Он говорил, что не видит будущего в этой стране, а детям надо отсюда уезжать. Понимаете, такого рода оценки идут из уст максимально далекого от политики человека. Он говорил: «Я тоже хочу выйти на протест». Но по его реакции я понимал, что он, конечно, боится. Это очень показательный пример. Во-первых, он думает о перспективе для детей, во-вторых, о том, как ему после этого работать и что он будет делать как специалист. Мир идёт вперёд, а мы в итоге будем откатываться назад просто потому, что у страны не будет доступа к технологиям, придётся использовать какие-то эрзацы.

Знаете, я не психолог, но мне кажется, у людей нарастает какое-то внутреннее напряжение. Они понимают, что им врут, что это пропаганда, но хотят и дальше обманываться. Так проще, так легче унять внутреннюю тревогу. Полицейские в общении со мной слово в слово воспроизводили те клише, которые мы слышим постоянно: «Где вы были восемь лет?» Эту тему мы обсуждали с полицейскими два дня, пока нас возили из отдела в отдел и на суд. Я им объяснял, что ещё в 2014 году мы

с Эльвирой Дмитриевой<sup>5</sup> организовывали пикет против войны в Украине. Вот и ответ на вопрос, где мы были восемь лет: мы точно так же протестовали против войны. Тогда ещё можно было выходить на пикеты; Эльвира его согласовала с мэрией Казани. Я отвечал полицейским, что Россия восемь лет поддерживала этот конфликт. Кто поставлял людей, боеприпасы, из какого оружия велись обстрелы? Стреляли с обеих сторон.

Второй аргумент полицейских: «Эта война для того, чтобы предотвратить войну против России, войну с НАТО и даже ядерную войну». Мол, другого выхода нет, и поэтому в Украине ведутся боевые действия. То есть мы «воюем, чтобы не было войны». Абсурдная позиция! Я напомним: в СССР, пока шла война в Афганистане, на уровне бытовых разговоров обсуждалось, что якобы Советский Союз буквально на несколько часов опередил американцев в Афганистане. Мол, не было бы ввода наших войск, страну бы заняли солдаты США, и мы бы получили у наших границ плацдарм для нападения на СССР. Очень знакомая логика. В принципе, ничего не меняется. Я думаю, это была вполне осознанно сделанная идеологическая заготовка, повторявшая ту, что распространялась ещё в Советском Союзе.

Как долго это продлится? Я бы сказал — столько, сколько люди смогут обманывать сами себя. Информации всё-таки много, есть и достоверные данные о потерях. Думаю, люди начнут задумываться, что из себя представляет эта война. В Афганистане, я напомним,

---

<sup>5</sup> Бывший руководитель Штаба Алексея Навального в Казани. 26 октября 2019 года скончалась после продолжительной болезни.

за всё время её продолжения погибли 13 тысяч наших солдат. На мой взгляд, очень важно говорить о потерях. Именно это может способствовать отрезвлению.

Пока я отбывал административный арест, информация о происходящем в мире до меня практически не доходила, за исключением коротких реплик полицейских. Они говорили: «Наступают» или «Наступаем». Немного больше информации я получал от адвоката, он приходил ко мне в спецприёмник и в общих чертах рассказывал новости. Насколько я понимаю, число потерь с обеих сторон измеряется уже тысячами, что ужасно.

Перед самой войной я видел данные опроса негосударственной исследовательской организации «Левада-центр». В нём примерно половина опрошенных призналась, что война их «очень сильно пугает». Примерно четверть сообщила, что «не очень пугает», а оставшаяся часть ответила: «Нет, не пугает». Но война, очевидно, страшна для граждан, и они относятся к ней отрицательно. Конечно, часть общества поддерживает происходящее, я сужу даже по полицейским. Те, кто высказываются, высказываются за войну. Раскол общества есть, но я предполагаю, что отрезвление будет достаточно быстрым. Я всё же думаю, что это продлится максимум несколько недель. Значительная часть россиян начнёт сопоставлять своё положение с тем, что сообщают в новостях. Понимание, что это враньё и пропаганда, должно наступить.

## Ляйсан Султангареева

сотрудница сферы  
общественного питания, 24 года  
Туймазы, Республика  
Башкортостан

Интервью записано  
в мае 2022 года



Слушать историю

**В**ойна — это ужас. Когда в одном из Telegram-каналов я прочитала сообщение, что Путин объявил военную спецоперацию, я сначала не поверила. Я посмотрела множество выпусков новостей, прежде чем приняла эту информацию. Мне было тяжело. Я не понимала, как в наше время возможна война. Наша страна от этого, вероятно, уже никогда не отмоется. Это война не от имени россиян. Большая их часть, я убеждена, войны не хотела. Для этой войны нет никаких оправданий — это чисто имперские амбиции нашего президента. Эта война нужна только ему.

В своей жизни я выходила на акции протеста семь раз. На антивоенные пикеты — четыре раза. На первый антивоенный пикет в Туймазах я вышла в день начала войны. В тот день оппозиция объявила об акциях по всей стране, но у меня не было возможности приехать в Уфу или другой крупный город. Всё, что я могла сделать в тот момент, — это выйти на пикет в своём городе. Надпись для плаката «Нет Путину, нет войне» возникла у меня в голове сама собой. «Нет Путину» — потому что именно он развязал эту войну. Я встала возле ма-

газина «Магнит» в центре города, потому что это самое публичное место, и простояла около часа. Всё прошло спокойно, никто из полицейских ко мне не подошел.

2 марта я снова вышла с таким же плакатом. На этот раз я простояла минут сорок, после чего ко мне подошли сотрудники полиции. Я отказалась показать им документы, потому что ничего не нарушала — я стояла в пикете, выражая свою позицию как гражданин Российской Федерации. Полицейские с кем-то долго созванивались и в итоге решили силой вчетвером отнести меня в машину. Из отделения полиции меня зачем-то повезли в наркологию, а оттуда — в изолятор временного содержания<sup>6</sup>, где я провела ночь. На следующий день состоялся суд, меня признали виновной в «неповиновении полицейским» и оштрафовали на три тысячи рублей.

В третий раз я выходила на пикет в Уфе с плакатом «Война — это смерть и нищета». Тогда меня не задержали. А вот в четвёртый раз, когда я вышла с плакатом «Свободу России, мир Украине», меня задержали и составили протоколы сразу за два пикета по статье о «дискредитации армии». По одному протоколу уже состоялся суд — меня оштрафовали на 35 тысяч рублей<sup>7</sup>.

Я выходила, потому что не могу молчать, не могу просто смотреть на это со стороны. Это тяжело. Я не

---

<sup>6</sup> Изолятор временного содержания (ИВС) — место заключения, предназначенное для временного содержания лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления.

<sup>7</sup> Туймазинский межрайонный суд Башкортостана оштрафовал Султангарееву на 30 тысяч рублей по статье о «дискредитации армии» за антивоенный пикет, который она провела 11 апреля. Также ее оштрафовали на 35 тысяч рублей за второй пикет, прошедший 25 апреля.

знаю ни одного человека в Туймазах, который бы открыто выступал против войны, проводил акции. Но тогда я не боялась, потому что уголовная ответственность за антивоенную позицию ещё не была введена. Когда на меня составили протокол о неповиновении полиции, я понимала, что это арестная статья<sup>8</sup>, но страха у меня не было.

Уже потом, когда начали задерживать по новой «антивоенной» статье, страх появился. Но на первом месте у меня было желание выйти и высказать свою позицию. Конечно, я боюсь сесть в тюрьму и буду стараться, чтобы этого не произошло. Но психологически я к этому готова. Хотя, конечно, я понимаю, что полностью подготовиться к тюрьме нельзя: это перевернёт и мою жизнь, и жизнь моих родных, но, наверное, жить по-другому уже нельзя. Я принимаю эти риски. Решать, уезжать из страны или нет, я буду только в случае реальной угрозы моей жизни или свободе.

Выходить на пикеты в Уфе и в Туймазах — большая разница. В Уфе это делать проще. Во-первых, меньше вероятность встретить знакомых — например, знакомых мамы. Во-вторых, в Уфе ты получаешь больше поддержки. Я верю, что акции могут поменять мышление людей. Кто-то, может, вообще не смотрит новости, кто-то смотрит только пропагандистские каналы. Увидев мой плакат, такие люди, возможно, задумаются

---

<sup>8</sup> Статья 19.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях («Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции») предусматривает наказание в виде административного штрафа в размере от двух до четырёх тысяч рублей, либо административный арест на срок до 15 суток, либо обязательные работы на срок от 40 до 120 часов.

и начнут искать информацию, потому что человек просто так с плакатом на улицу не выйдет.

Я считаю, что каждый человек сегодня может разговаривать со своими родственниками и рассказывать им правду. Это сложно, я понимаю: лично у меня ушло много сил, чтобы переубедить свою бабушку. Но это важно. Открывать глаза людям, разговаривая с ними, — это пока безопасно и законом не карается.



## Иван Коретников

художник, 83 года

Пермь, Пермский край

Интервью записано  
в мае 2022 года



Слушать историю

**В** 1973 году я закончил Суриковский институт. С самого начала своего творческого пути я уяснил, что история нашей страны в советское время пережила сложнейшие периоды, гражданские войны. Время было бурное и беспокойное, а в живописи это никак не отражено. Вы сходите в «Третьяковку» и посмотрите — одна похвальба: как русские били белогвардейцев и немцев да какой хороший социалистический строй. В искусстве не осталось истории. Я для себя решил: если хочу, чтобы мои работы не ушли в помойное ведро, надо показывать то, что есть на самом деле, отражать реальные события, которые происходили в перестройку, при Ельцине, при Путине. Одним словом, не стал и не смог врать.

Я хорошо помню 24 февраля. Это было как гром среди ясного неба. Я никогда не думал, что наш президент совершит такой идиотский поступок. Я никак не ожидал, что мне придётся пережить столько войн. Только при Путине их было несколько: вторая чеченская, грузинская и война с Украиной. Это самая настоящая война, а никакая не «спецоперация».

Каждый день я слежу за событиями в Украине. И потом, у меня жена — украинка, она вообще очень болеет за Украину. Я боюсь: моему внуку 17 лет, через год его заберут в армию. И куда его пошлют служить? Сейчас не мирное время. Их наверняка на Донбасс отправят, в Херсон, а то и под Киев. Эта война носит искусственный характер, потому что у нас нет никаких причин воевать. Никаких! Ну, рассыпалась Российская империя — значит, так случилось. Рассыпалась же Чехословакия, и от этого люди не бросаются друг на друга, а тут и ракеты, и танки получай...

6 апреля я вышел на одиночный пикет. На плакате я написал такой вопрос: «Махонин<sup>9</sup>, сколько похоронок пришло в наш край?» Махонин — это наш губернатор. Второй текст — с обращением к нему же: «Махонин, сколько пермских солдат лежат в могилах?» Третий плакат — «Русские льют русскую кровь». Как вы заметили, конкретно против войны у меня вообще не было призыва. На плакатах не было суждений о правильности или неправильности войны. Я решил выйти на пикет, потому что это было в моих силах. Я убежден, что это не война русских людей, не война наших граждан. Эту войну ведет наше правительство, наша верхушка, которая находится сейчас у власти.

Я даже в пикете не стоял, только шёл на него, к памятнику нашего знаменитого земляка Александра Попова, который изобрел радио. Но мне не дали дойти: полиция уже стояла у монумента. И тогда я развернул плакат. Не прошло и тридцати секунд, как ко мне по-

---

<sup>9</sup> Дмитрий Махонин — губернатор Пермского края с 2020 года.

дошли и задержали, отвезли в полицию... Я не думал, что так будет, что дойдёт до суда.

В полиции мне ничего не говорили. Раньше ещё пытались агитировать и вразумлять, но я ведь человек уже старый, что с меня взять. Я понял, что полиция опирается не на закон, а исключительно на указания начальников и власти. Никого не волнует, что я — один из тех людей, которые помнят, что такое война. Я говорю прямо: идёт самая настоящая война. А они боятся даже это слово произнести. Ну, зачем нам воевать? Воевать нельзя!

Дзержинский районный суд Перми назначил мне штраф в 30 тысяч рублей, а я в месяц и пенсии столько не получаю! В краевом суде этот штраф оставили в силе, то есть мне нужно его оплатить. Ребята решили собрать деньги на оплату штрафа — и, оказывается, уже перевели мне 61 тысячу рублей. Ещё и на оплату штрафов другим хватит.

Путин наступил на самое больное место русских людей — это война. Россия этого ему не простит, поэтому президент России и боится этого слова. Ситуация такова, что если победит Украина, то Путин падёт.

## Наиль Загидуллин

учитель физики и информатики,

52 года

село Стерлибашево,

Республика Башкортостан

Интервью записано

в июне 2022 года



Слушать историю

**П**еремены коснулись каждого человека, но некоторые люди просто не хотят это признавать. Мои взгляды не изменились — я как был против происходящего в Украине, так и остался. Я по-прежнему считаю это вторжением в чужое государство и говорю, что гибель людей с обеих сторон должна прекратиться. Человеческая жизнь драгоценна. Я убеждён, что человек не должен убивать, какие бы причины для этого ни приводились, какие бы цели ни ставились. Это закон человечества, это то качество, которое делает человека человеком. Я написал об этом в своих социальных сетях сразу после начала событий и пишу до сих пор. На школьных собраниях я говорил, что мы не должны обманывать детей. Учителя должны учить их отличать белое от черного, учителя не могут поощрять убийства: это против нашей природы. Я говорил, что это — против нас самих. Мне неинтересно, что думают люди о моей позиции или обо мне. Я знаю, что я прав и никогда не буду поддерживать человеческие смерти.

Ситуацию в Украине ни один адекватный человек поддержать не может. Но даже если он против, то мол-

чит, потому что боится — включается инстинкт самосохранения. Коллеги знают мою позицию, и я благодарен коллективу, в котором работаю: у нас есть принцип, что каждый имеет право на своё мнение. Как человеку думать — личное дело каждого. Я с пониманием отношусь к тем, кто поддерживает происходящее в Украине, у них может быть своя точка зрения. Человек может быть обманут, а кто-то искренне верит СМИ.

Правда, есть и те, кто говорит грязно, кто давит, издевается. Когда я понял, что мой старый друг — «ватник»<sup>10</sup>, то попытался с ним поговорить. Но в ответ услышал: «Ты — предатель», «пятая колонна», «разрушитель государства». Это неприятно. Я отношусь к нему как к жертве пропаганды. Моя жена согласна с моим мнением, она тоже учитель, но как женщина старается защитить меня: «Молчи, не говори, не пиши, нам тяжело. Как мы будем жить, если останемся без работы?» Я её понимаю, но правда дороже. Власть отравляет людей страхом, потому что запуганным народом управлять легко.

Настали тяжёлые времена. Я не думал, что когда-нибудь увижу, как авторитетные учителя будут бояться говорить. Никогда не представлял себе, что ученики будут писать жалобы на своих учителей. Преподаватели оказались в тяжёлом положении, их превратили в солдат на службе у власти, обязали говорить, что зло — это хорошо. Ученики, к счастью, не глупы, они всё знают и понимают. Например, во время уроков о «спецопера-

---

<sup>10</sup> «Ватник» — политически окрашенное прозвище людей, поддерживающих современный политический режим в России. Происходит от общего предположения о том, что ватник является исконно русским предметом одежды.

ции» ученики слушали музыку в наушниках или занимались своими делами. Некоторые дети интересуются и задают вопросы, но при разговоре с ними нужно быть внимательными, они могут записать ответ на диктофон. Есть ребята, которые близки мне по взглядам, им я всё объясню, если они просят. Страшно, что дети абсолютно теряют доверие к старшему поколению, но они должны видеть, что есть взрослые люди с другим мнением.

Анонимы мне пишут: «И такие “учителя” учат наших детей! Позор! Почему на его записи в сети не обращают внимания прокуратура, полиция?» Есть и те, кто жалуется. Вышли ведь законы о «фейках» и о «дискредитации армии», и теперь каждый имеет это в виду, комментируя какие-либо события. Власть таким образом запугивает людей, направливает их друг на друга. Есть и те, кому не нравится, что я слишком активен. Ко мне подходил следователь из полиции — мой бывший ученик. «Наиль абый, извините, но, когда приходит жалоба, мы должны её проверить», — пояснил он. Я воспринял это спокойно. Мы поговорили, я ответил на его вопросы. У меня ведь было много записей в социальной сети «ВКонтакте», и на это обратили внимание. То есть мои старания не прошли зря. Впоследствии мне сообщили, что оснований для возбуждения уголовного дела нет. Какое же преступление я совершил? Я знаю законы, не даю информации о войсках, а лишь выражаю своё отношение к этим событиям, рассказываю, как сам их переживаю, публикую мнения разных известных личностей.

Каждый день я задаю себе вопрос: «Для чего мне это нужно? Почему другие живут спокойно, а я нет?» Но я с такой жизнью не согласен, мне не нужен телеви-

зор, я ищу другую информацию, копаюсь в ней, нахожу и читаю закрытые независимые медиа. Мне важно оставаться человеком. Я не знаю, куда деваться от стыда за себя, боюсь прозвища «трус». Со стороны кажется, что я, как муха, бьюсь снаружи в окно. Пускай так: это моя личная борьба. Если я смогу изменить мнение нескольких людей, спасти кого-то от отъезда на войну в Украину, то мои усилия окупятся. Меня читают, но люди даже не ставят «лайки», чтобы показать своё согласие или одобрение. Это и есть страх.

Я тоже боюсь, но каждый день спрашиваю себя: «Кто ты? Человек или дрожащее существо?» Меня пугает возвращение таких понятий, как «аноним», «донос», «клевета». Мы ведь помним сталинское время как страшный период, миллионы людей были отправлены в тюрьму, расстреляны и убиты за чтение намаза, кражу зерна или знание иностранных языков. Во многих семьях произошли трагедии; мы знаем, что люди боялись даже разговаривать друг с другом. Сейчас ситуация похожа на сталинские времена, просто немного изменились формулировки. Как мы пришли к тому, что человека со своим мнением называют «иностранным агентом»?<sup>11</sup> Как мы вернулись в это время? Вот это меня пугает. Для нас история, ошибки, жертвы — это чушь, мы не умеем учиться.

---

<sup>11</sup> «Иностраный агент» — это статус, присваиваемый в России лицам, СМИ и организациям, которые, по мнению властей, получают иностранную финансовую поддержку или находятся «под иностранным влиянием». Официально этот статус появился в 2012 году. С конца 2021 года в реестр «иностранцев» в России начали включать и физических лиц — журналистов, активистов, учёных, писателей и т.д. ЕСПЧ признал закон об «иноагентах» нарушающим права человека.

Каждый день я смотрю на статистику потерь среди российских солдат, и волосы встают дыбом. Не хочется терять присутствие духа, но реальность сурова. Трупы возвращаются постоянно, а в республиках вербуют всё больше «контрактников», привлекая добровольцев деньгами.

Как бы мы ни старались улучшить свою жизнь, экономическая ситуация в Башкортостане плачевна. В каждом ауле республики, почти в каждом доме, каким бы влиятельным человеком ни был глава семейства, его сыновья либо едут в Сибирь на заработки, либо в Татарстан на стройку. Хозяйством руководят женщины. Поселиться в Сибири — тоже тысяча хлопот. Поэтому так много людей задумываются об армии, о зарботке денег на службе. Сейчас обещают 200 тысяч рублей, для жителя деревни это большие деньги. Причина — в бедности, мы все действительно очень бедны. Жизнь кажется обеспеченной только потому, что у нас есть свой огород и домашнее хозяйство. Превращение армии в социальный лифт — это трагедия.

Я не виню тех, кто уехал из России. Человек сам решает, как ему устроить свою жизнь. Можно понять тех, кто уехал от страха: если кому-то угрожают уголовным делом, нужно признать, что есть риск попасть в тюрьму. У каждого своя причина: кто-то просто ищет спокойной и обеспеченной жизни. Никто не имеет права их обвинять. Я не думаю, что все уехали, а мы остались одни. Я не один. Я надеюсь, будут изменения в лучшую сторону, и смерти прекратятся.



**Юлия Кабуркина**

фотограф, 35 лет  
Чебоксары,  
Республика Чувашия

Интервью записано  
в июне 2022 года



**24** февраля мы с другом пили кофе и обсуждали новости. Этим утром у нас была одна тема — война. Я сначала не поверила, что такое возможно, ведь многие говорили, что этого точно не случится, а тут в теленовостях с утра взрывы. Хотелось кричать в голос, хотелось что-то сделать, чтобы это оказалось неправдой. У нас в Украине друзья и знакомые, они нам почти родные — и вообще, Украина всегда была мне как родная. Я не хочу привыкать к войне. Это самая больная для меня тема.

Несколько раз мне снилась война, и я просыпалась с мокрыми от слёз глазами. Я плакала прямо во сне. Первый сон: ранним утром я выхожу гулять с собакой и вместо обычных городских пейзажей вижу сожжённые дома и машины. Я шла по безлюдному городу, и мне было очень страшно. Второй сон: меня и ещё одну девушку взяли в плен, а до этого мы убегали в темноте от людей в военной форме. За нами бежали преследователи, а потом я проснулась и долго не могла уснуть. Мне казалось, я словно в мираже. Да, мне всё это снилось, а ведь некоторые люди переживают такие вещи на самом деле, в реальной жизни. И это очень страшно.

Я решила в одном из супермаркетов города рядом с ценниками разместить бумажных человечков с антивоенными лозунгами. Страх у меня не было. Был кураж от того, что я делаю что-то нужное, иду верным путём. Меня поддержала подруга — она тоже хотела вырезать бумажных человечков и оставлять их в людных местах. Другой знакомый сказал, что это «детский сад». Но тогда я уже приняла решение, и меня было не остановить. Я так загорелась идеей и вырезала столько человечков, что их хватило бы на целый бумажный митинг. Я клеила их на улице и ощущала скорее приятный трепет и волнение, но не страх.

Родители не были в курсе того, что я делаю, а те близкие, с которыми я продолжаю общаться, либо согласны со мной и поддерживают, либо просто улыбаются. Но в душе, я надеюсь, они мною гордятся.

Мои родители как раз поддерживают войну. Они смотрят телевизор и больше ничего. Их сложно в чём-то переубедить, хотя я стараюсь. Любой разговор о политике у нас начинается мягко, но потом мы начинаем говорить на повышенных тонах — и в результате просто расходимся со своим мнением. Нет пророков в своём отечестве. Чувствую, я проваливаю миссию донести правду, но не опускаю руки и стараюсь дальше.

В первые же дни войны мне хотелось уехать из России. Было ужасно стыдно жить в стране-агрессоре. Сейчас я понимаю, что отъезд мало что меняет. Я буду чувствовать то же, что и сейчас в России. Вроде бы и хочется уехать, но пока я не собираюсь. Хотелось бы сказать, что мне не страшно, но, видимо, себя не обманешь.

Я человек, который паникует и волнуется по любому случаю. И первый суд по делу о «дискредитации армии» дался мне очень тяжело. В Верховном суде Чувашии мне уже хотелось выступить публично, как выступает, например, Илья Яшин<sup>12</sup>. Хотелось подобрать слова, которые могли бы запасть в душу, но первый судья написал в решении, что я якобы полностью признала вину и раскаялась. Он меня совсем не слушал. Я пришла к выводу, что распинаться и на втором суде смысла мало.

Никто точно не скажет, что нас ожидает. Хотелось бы увидеть свободную Украину, свободную Россию и настоящий «русский мир» в правильном понимании этих слов. Россия должна оттолкнуться от дна, потеряв всё мрачное, что тянет нас вниз. Стать той страной, которой можно гордиться. Я хочу, чтобы соблюдались все права и свободы граждан, чтобы внешняя политика была направлена на сотрудничество, чтобы мы навсегда забыли фразу «Хорошо же живём, лишь бы не было войны». Мы должны забыть слово «война». Глядя на сегодняшнюю ситуацию, можно сказать, что в счастливое будущее России верится с трудом.

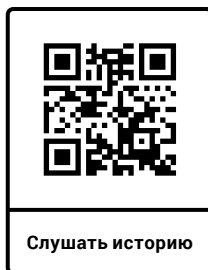
---

<sup>12</sup> Илья Яшин — российский политик и общественный деятель, один из лидеров оппозиции. Ранее возглавлял московский муниципальный округ Красносельский. Постоянный участник и организатор уличных акций протеста. В июле 2022 года в отношении Яшина возбудили уголовное дело о «фейках» об армии. Поводом для возбуждения дела стал стрим Яшина на YouTube, в котором он комментировал убийства в Буче. 13 июля 2022 года он был арестован Басманным районным судом Москвы. Ему грозит приговор до 10 лет лишения свободы.

## Яков Овчинников

фотограф, 54 года  
Пермь, Пермский край

Интервью записано  
в марте 2022 года



**М**ы проиграли войну, не успев начать. Я не знаю, какие умники сидят в Генеральном штабе, о чём думает наша Госдума, которая единогласно проголосовала за ввод войск. Неужели они совсем не понимают ситуацию? Украина абсолютно не такова, какой её рисуют пропагандисты. Можно сказать, что эта страна — прямая противоположность тому, чем нас пугают соловьёвы, киселёвы, скабеевы<sup>13</sup>. И когда Путин произнёс свою речь по поводу нацистов, наркоманов и остального, я понял, что это полнейший зашквар<sup>14</sup> —

---

<sup>13</sup> Владимир Соловьёв — российский журналист, радио- и телеведущий. Ведущий программы «Вечер с Владимиром Соловьёвым» на телеканале «Россия-1». После начала войны в Украине Европейский союз, Канада и Великобритания ввели в отношении него персональные санкции.

Дмитрий Киселёв — российский журналист, телеведущий. Заместитель генерального директора Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании с 2008 года, генеральный директор агентства «Россия сегодня» с 9 декабря 2013 года. С марта 2014 года Киселёв находится под персональными санкциями Европейского союза за поддержку войны, ведущейся Россией против Украины.

Ольга Скабеева — российская журналистка, телеведущая. Ведёт ток-шоу «60 минут» на телеканале «Россия-1». В феврале 2022 году Европейский союз ввёл против неё персональные санкции.

<sup>14</sup> Зашквар — жаргонный синоним понятий «стыд», «позор».

и что будет война. Понял, что президент США Джо Байден говорил правду, и единственное, чего он добивался, — это оттянуть начало войны. Начнись вторжение в Украину 16 февраля, околоремлёвские мечтатели планировали бы 23 февраля провести концерт в Киеве с Олегом Газмановым, Валерией, Филиппом Киркоровым и прочими придворными исполнителями. Это моё предположение.

У меня есть уже четыре привода в полицию — три в прошлом году и один, последний, 6 марта 2022 года. Причём я там просто вёл съёмку. Но так как я не представитель СМИ, меня взяли под белы ручки — и проводили в полицейский автобус. Нас доставили в Ленинский отдел полиции, я там побывал уже трижды и чувствую себя «как дома». Полицейский, когда составлял протокол, спросил, мол, не надоело ли мне. А я ответил: «Если бы надоело — я бы перестал ходить на митинги. Мне власть эта надоела».

Когда я работал грузчиком в супермаркетах, то обращал внимание на большое количество стариков, которые приходили и пристраивались в очередь за просроченной продукцией у мусорного бака. Без боли на это смотреть невозможно: когда кто-то покупает дворцы, яхты, замки во Франции и Италии, особняки в Лондоне, а народ в это время просто нищенствует. Тем более люди, которые всю жизнь работали не на самой лёгкой работе. Это очень несправедливо. Можно, конечно, сто тысяч раз сказать, что мир несправедлив, — но это меня не успокаивает. И чем старше я становлюсь, тем отчетливее понимаю, что в наследство своему ребенку оставляю помойку вместо страны.

Раньше я планировал профессионально заниматься фотографией, о политике даже не думал. Но тут у меня будто глаза открылись. Я никогда не был сторонником нашей власти, но не лез в политику, потому что не владел настоящими данными, да и окружение было другое. Информация шла разная, и где была правда, а где врут, было непонятно. В школе, где я работал в 1988–2000 годах, было не принято обсуждать политические вопросы. Но потом в поле моего внимания попал Борис Немцов<sup>15</sup>, позднее — молодой Алексей Навальный<sup>16</sup>. Честно говоря, я не разделял его националистические взгляды, но сегодняшний Навальный — это зрелый политик со взвешенными убеждениями, мужественный и целеустремлённый.

Я, скорее всего, космополит по убеждениям: для меня планета гораздо важнее, чем отдельно взятая страна. До 2018 года я избегал политики, мне нужно было вырастить сына, а жилось трудно. Мы буквально выживали: не было нормальной работы, денег хватало только на

---

<sup>15</sup> Борис Немцов — российский политик и общественный деятель. Первый губернатор Нижегородской области. В 1990-х и начале 2000-х гг. — член Совета Федерации, министр топлива и энергетики России, первый заместитель председателя российского правительства, депутат Госдумы. Один из организаторов «маршей несогласных» в 2007 году и массовых протестных митингов «За честные выборы» в 2011–2013 годах. В ночь с 27 на 28 февраля 2015 года убит выстрелами в спину в центре Москвы. Заказчик убийства до сих пор не найден.

<sup>16</sup> Алексей Навальный — российский оппозиционный политик, основатель Фонда борьбы с коррупцией. Один из главных критиков президента России Владимира Путина. 20 августа 2020 года в результате отравления боевым отравляющим веществом из группы «Новичок» Навальный впал в кому. Проходил лечение в Германии. 17 января 2021 года он вернулся из Берлина в Москву, где при прохождении паспортного контроля был задержан. В настоящее время отбывает наказание в исправительной колонии.

предметы первой необходимости. Всё было непросто. Теперь сыну 18 лет, и у меня появилось время.

Пришла усталость от несправедливости, потому что я понял: за всю свою жизнь я так и не смог заработать себе на квартиру. Просто на жильё! У меня 34 года трудового стажа — и что, мне теперь до смерти винить себя в том, что я такой бездарь: выбрал специальность педагога, а затем рабочего? Как сказал Дмитрий Медведев: если учителям что-то не нравится, пусть найдут себе другую работу. Мол, идите работать туда, где больше платят. Меня это сильно покорило, потому что учителя нужны нашей стране не меньше, чем министры. Их работа, наверное, по значимости сопоставима с работой президента страны. Может быть, у президента и должна быть зарплата выше, но учителя, медсёстры, уборщики, дворники и рабочие не должны нищенствовать. Государство обязано обеспечить гражданам достойный минимальный уровень жизни и медицинского обслуживания. В стране не должно быть коррупции, насилия, мы имеем право на гарантии свободы слова, свободы выбора, вероисповедания и защиты нашей безопасности.

Но за 20 лет правления Путина нас лишили всех прав.

## Полина Мухачева

студентка, 22 года

Киров, Кировская область

Интервью записано  
в июне 2022 года



Слушать историю

**24** февраля я была на практике и с утра новости не смотрела. А когда днём прочитала, что началась «военная операция», то была просто в шоке. Я сразу поняла, что это повлечёт за собой финансовую нестабильность, это испугало меня в первую очередь. Потом я осознала, что это реальная война, гибнут люди — и офигела окончательно. Последующие несколько дней я провела как в тумане. Я не знала, что делать, как мы будем с этим жить, в голове был сумбур, я словно потерялась. Сейчас, конечно, привыкла немного, но дискомфорт остался.

Мои родители не считают нужным выражать свою гражданскую позицию. По их мнению, правильно сидеть молча и, так сказать, «не отсвечивать». Максимум — это разговоры на кухне. А на кухне у нас телевизор, в комнате тоже. И после каждого совместного просмотра новостей возникает скандал, точнее, раньше возникал, а сейчас уже говорить не о чем. Родители принимают позицию телевизора, хотя мама, скорее, нейтрально относится, отец — за войну, я и бабушка — против. Переубедить никого невозможно, и мама всерьёз



опасается, что такие политические дискуссии могут привести к развалу семьи, поэтому старается молчать, не нагнетать конфликты.

У нас есть родственница, которая живет в Крыму, а её дети остались в Украине, в Одессе. Они рассказывают: «Мы сидим в подвале, нас обстреливают русские войска», а их родственники в России им не верят, мол, вы сами себя обстреливаете, а мы вас спасаем. Одна моя подруга, с которой мы четыре года очень тесно общались, узнав о моей антивоенной позиции, полностью прекратила со мной общение. Даже в среде моих единомышленников, тех, кто выступает против войны, порой возникают конфликты. Всё это вызывает огромный шок.

Я прочитала в интернете, что зелёный цвет — это символ мира, поэтому решила вплести зелёную ленточку себе в косу: и красиво, и символично. Второго апреля я гуляла по Театральной площади Кирова с этой зелёной лентой в волосах. Я считаю это выражением собственного мнения. Почему людям со знаком Z<sup>17</sup> на футболке можно свободно гулять по улице, а мне с зелёной лентой нельзя? Конечно, я немного боялась, но сейчас любой человек, у которого есть собственная гражданская позиция, испытывает страх. К сожалению, страх стал постоянной эмоцией у всех.

Моя прогулка продолжалась буквально три минуты: ко мне сразу подбежали полицейские, сотрудники Центра по противодействию экстремизму, и сообщили,

---

<sup>17</sup> Латинская буква Z — вид символики, используемый российскими властями с начала вторжения в Украину для маркировки техники и военной пропаганды.

что я задержана. Меня повели в полицейский автобус. Вместе со мной в разных местах Кирова задержали ещё пятерых активистов: трое тоже были с лентами — зелёными, жёлтыми, голубыми, а двое — без лент, они просто стояли, но их тоже схватили и повели в автобус.

В Ленинском отделении полиции у меня с полицейскими состоялся весьма интересный диалог. Я спросила:

— Что мне делать с лентой в косе? Расплетать? Разве зелёная лента — это преступление?

— Ленту мы должны изъять, измерить её, запротоколировать изъятие, всё по форме, — объяснили полицейские.

Я поинтересовалась:

— А если бы у меня волосы были покрашены в зелёный цвет?

— В этом случае пришлось бы срезать пряди волос в качестве вещественного доказательства, — совершенно серьёзно заявили сотрудники полиции.

— А если бы у меня было зелёное пальто или шляпа? — продолжала допытываться я.

— А в зелёном пальто или шляпе не рекомендуется гулять по Театральной площади в Кирове, — предупредили меня полицейские, и никто из них даже не улыбнулся.

Сначала неформальную беседу со мной провел сотрудник полиции по фамилии Ерощкин. Он задавал разные вопросы, интересовался, кто мои родители, знают ли они, чем я занимаюсь, что я вкладываю в символ зелёной ленты, зачем пришла на Театральную площадь. Позднее с меня официально взяли объяснительные показания, спрашивали, часто ли я вплетаю

в волосы яркую зелёную атласную ленту, являлась ли я раньше участницей публичных протестных мероприятий, знаком ли мне политический деятель Алексей Навальный и как я к нему отношусь. Я отказалась отвечать на все эти вопросы, сославшись на 51-ю статью Конституции<sup>18</sup>.

То есть все зелёные ленты в России теперь считаются антивоенными символами? А как насчёт голубых или жёлтых? А зелёные шляпы, голубые пальто, жёлтые шарфики — их можно носить? Или всё это тоже символы антивоенного протеста? А если у меня глаза зелёные? С зелёными глазами ходить можно? Или это тоже будет считаться «дискредитацией» российских войск?

Есть разные причины, почему большинство людей в России молчат. Первая из них — климат, в котором мы живём. У нас долгие суровые зимы, и русский человек терпеливо ждёт весны. Он не привык быстро решать и стремительно двигаться — он привык к терпению. Далее идут исторические причины: крепостное право, которое отменили значительно позже, чем в других европейских странах. Абсолютная монархия продержалась до XX века. А потом был длительный советский период, когда гражданин мог попасть в лагерь даже за анекдот, рассказанный на кухне. Но самая главная причина — это агрессивное воздействие современной российской пропаганды. На меня большое впечатление произвела книга американского психолога еврейского происхож-

---

<sup>18</sup> Статья 51 Конституции России: «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом».

дения, узника Дахау и Бухенвальда Бруно Беттельхейма «Просвещённое сердце». Если почитать его труд и сравнить методы, которые применяли в Третьем рейхе для «зомбирования» граждан, и методы, применяемые в современной России, мы найдём много общего.

Сейчас в России на человека давят культом Z, этот знак преследует тебя везде: на зданиях, на троллейбусах, в телевизоре, на работе, на футболке губернатора. А если ты выходишь с зелёной лентой, тебя сразу хватают. Ты в одиночестве, ты против массы, против иллюзии большинства. Люди боятся: «А вдруг меня уволят с работы? А вдруг будут проблемы у семьи? А вдруг, если мы всё-таки выйдем, нас банально избьют? А если мы и это перетерпим, то нас посадят?» И конечно, страх штрафов. Если у человека не всегда хватает денег даже на еду, а нужно платить штраф в 50 тысяч рублей за участие в антивоенном протесте, он сто раз подумает в следующий раз, выходить или нет.

Когда люди постоянно всего боятся, у одних наступает равнодушие и апатия, а у других — бесстрашие отчаянья. Таких людей мало, но они есть. Революции совершает не пассивное большинство, а пассионарное меньшинство — люди, которые решаются выйти на свой Майдан. Так было в Украине, так будет и в России.

## Александр Днепров

продавец спецтехники, 33 года  
Набережные Челны,  
Республика Татарстан

Интервью записано  
в мае 2022 года



**24** февраля я читал Telegram-каналы — стало понятно, что началось полномасштабное вторжение. Понял это, когда начались взрывы под Киевом, когда я стал смотреть видеоролики, снятые в украинской столице. Тогда стало понятно, что это не «защита территорий», а самая настоящая война.

Я никогда не верил, что это может произойти. Мы со знакомыми и друзьями постоянно это обсуждали. Кто-то говорил, мол, посмотри, Путин уже обозначил «красные линии». Но я до последнего не верил, что всё началось. И до сих пор, честно говоря, не верю до конца. Это было за гранью моих представлений о том, до чего нужно прийти, чтобы на такое решиться. Я думал, это будет очередной спектакль по защите мирных жителей, но по факту всё обернулось реальной войной.

24 февраля у меня возникло смешанное чувство стыда и ужаса от мысли: неужели наш президент пошёл на такое чудовищное преступление? Я бы не сказал, что мне было страшно — было обидно и стыдно перед украинцами. Я ощущал смутное чувство вины за происходящее. Если до этого я не чувствовал себя причастным

к каким-то политическим событиям, то в тот день я понял, что теперь молчать уже нельзя и надо признать, что мы все чем-то виноваты. Могли ли мы заранее это остановить? Вопрос сложный, потому что мы точно такого не ожидали. Даже я не верил, что будет такая агрессия со стороны нашего правительства.

Отношение к войне у меня изначально было категоричным. Я до последнего отталкивал от себя эту мысль и говорил: «Да нет, до войны точно никогда не докатится». Нельзя на это просто смотреть — нужно хоть что-то пытаться делать, хотя бы говорить о происходящем. Россия давно должна была оставить Украину в покое, еще в 2014 году. Что касается Крыма, то я считаю ту ситуацию аннексией — неважно, сколько крымчан её поддержали. Фактически до 2014 года в Украине не было никаких враждебных настроений — всю эту историю заварил сама Россия, и виновата во всём только она.

До апреля 2022 года я никогда не участвовал в акциях протеста. Я мог где-то что-то написать, но это был максимум. Я никогда не видел в этом пользы, считал бесполезным. Безусловно, я знал обо всех акциях, которые проходили в Москве и других городах, но видел, что никаких результатов они не приносили. Но, может быть, я ошибался, потому что если один вышел, второй вышел, то хотя бы два-три человека увидят и услышат об этом. Пусть они не изменят своё мнение, но, по крайней мере, задумаются. Я считаю, что хотя бы какие-то действия надо предпринимать — чтобы быть увиденным, услышанным. Наверное, я стал чуточку смелее.

С апреля я начал выходить в город с одиночными антивоенными пикетами. Прохожие реагировали по-раз-

ному. В те дни мощно работала пропаганда, обнаруживая данные соцопросов, согласно которым якобы более 70% россиян поддерживает войну. Но по своему опыту могу сказать, что большинство людей всё-таки было против: кто-то просто подмигивал, кивал, улыбался. Мне удалось пообщаться с женщиной в возрасте, обыкновенной учительницей. Она мне долго рассказывала про биологические лаборатории<sup>19</sup>, про НАТО<sup>20</sup> — весь этот стандартный пропагандистский набор и ещё какие-то малоаргументированные доводы.

Что касается моих близких, то они смотрят телевизор. Когда я завожу разговоры об Украине, возникает диссонанс. В телевизоре говорят одно, а я рассказываю другое — происходит разрыв шаблонов. Поэтому мы стараемся избегать этой темы. Люди старшего поколения никак не могут оторваться от телевизора и перейти на другие источники информации. У меня есть родственник, который полностью всё это поддерживает, — с ним мы в последнее время практически не общаемся. Я не знаю, о чём нам говорить, когда все разговоры

---

<sup>19</sup> 16 марта 2022 года президент России Владимир Путин заявил, что «на Украине действовала и сеть из десятков лабораторий, где под руководством и при финансовой поддержке Пентагона проводились военно-биологические программы, в том числе эксперименты с образцами коронавируса, сибирской язвы, африканской чумы свиней и других смертоносных заболеваний». Президент Украины Владимир Зеленский, представители Пентагона, Белого дома и Государственного департамента США отрицали подобные обвинения.

<sup>20</sup> Одной из причин российского вторжения в Украину Владимир Путин назвал «обещания нашей стране не расширять ни на один дюйм НАТО на восток» и то, что «[нас] обманули, а выражаясь народным языком, просто кинули». На фоне военного вторжения России в Украину Швеция и Финляндия заявили летом 2022 года о желании вступить в НАТО.

так или иначе сводятся к этой теме, и наши отношения только портятся. С очень многими друзьями, которые так или иначе высказывались за войну, мы стали общаться меньше или прекратили общаться вообще.

Я пытался переубеждать близких, вёл долгие беседы, но в какой-то момент просто устал. Допустим, я веду с человеком политическую дискуссию, а она не приводит к результату. Дискуссия повторяется два или три раза — и я вижу, что ничего не меняется. Это всё равно, что биться головой о стену: понимаешь, что только трастишь свои нервы. Я стараюсь, продолжаю говорить, но делаю это, когда появляются какие-то факты, и выстраиваю линию беседы, основываясь на конкретных доводах. Просто в последнее время я немного «сдулся»: есть люди, с которыми вообще тяжело об этом говорить. Это приводит к внутреннему негативу.

Все всё прекрасно понимают, но пытаются оправдать войну. Это то же самое, что происходит с санкциями. Кто-то из западных политиков заявил, что на Россию не действуют эти вещи, потому что цивилизованный западный человек, когда ему что-то перекрывают, понимает, что он делает что-то не так. А наши наоборот: всё больше противопоставляют себя Западу. Я пока не могу понять и проанализировать такую психологию. Подорожание продуктов, как я понимаю, вообще никого не пугает — все стараются твердить одно и то же, что нужно кого-то освободить, избавить от нацистов, что Россия всегда была империалистической страной и это нормально. Вот это самое страшное, я считаю.

Массовых протестов нет, потому что, как мне кажется, сказывается военная цензура. Люди попросту



боятся, думают, что их задержат. Я, честно говоря, не могу для себя это объяснить. Но я не верю, что народ смирился с тем, что происходит. Может быть, люди застыли в ожидании.

Всё происходящее приведет к ухудшению уровня жизни в России. Война приведет к стагнации или деградации экономики страны. Мы видим, что многие как будто готовы откатиться в советское прошлое. Россия в 90-е годы уже взяла курс на демократическое и либеральное развитие. Страна и так развернулась на 180 градусов и пошла совершенно другим политическим и экономическим курсом. А сейчас её опять хотят вертеть туда-сюда, но в результате Россия так и будет крутиться на месте. Я не думаю, что будет какой-то серьёзный геополитический развал, но ничем хорошим это точно не закончится.

## Мария Чузаева

студентка, 23 года  
Йошкар-Ола,  
Республика Марий Эл

Интервью записано  
в апреле 2022 года



**Р**аньше я вообще не интересовалась политикой, не участвовала ни в каких акциях. Но с 2018 года я смотрю «Лигу смеха» — украинский фестиваль юмора. Там одни команды выступают на русском языке, другие — на украинском. Я подписана на некоторых участников этой программы в социальных сетях. Не все эти ребята знамениты — после завершения проекта они продолжают вести обычную повседневную жизнь. Возможно, не являясь суперпопулярными, они транслируют своё искреннее видение, мнение. И по их публикациям я узнала даже не про то, что началась война. Наверное, я ощутила перемену на уровне эмоций: все эти люди вдруг резко начали агрессивно высказываться в адрес русских. Поначалу я отнеслась к этому с недоумением: почему про русских так плохо говорят? Потом стало понятно, что причина в войне, — и страдают они, а не мы. Первую неделю я просто принимала всё это, а на вторую пришло понимание: надо что-то делать, как-то помогать, потому что там люди и им плохо.

Как я понимаю, в нормальных, свободных странах люди, если им что-то не нравится, выходят и говорят

об этом на главных площадях своих городов. Я стала смотреть, как это делается у нас. Если проводить митинг, то нужно запрашивать разрешение властей<sup>21</sup>. И я поняла, что единственный доступный для меня вариант — это одиночный пикет<sup>22</sup>. Я вышла с плакатом, изобразив на листе бумаги флаг Украины: сверху закрасила голубым, снизу — жёлтым, а в центре нарисовала красное сердце. Я смастерила его прямо на улице и сразу вышла на площадь.

Был очень сильный снегопад. Я встала на площади Ленина у цепи ограждения. Уже через семь минут ко мне подошли сотрудники ГИБДД, которые стояли в это время на дороге. Они поздоровались, представились, что-то спросили... и попросили меня уйти. Я сказала, что не уйду, потому что это моя позиция и я пришла её высказать. Я ничего не выкрикивала, просто стояла с плакатом. Тогда сотрудники ГИБДД направились к патрульно-постовой службе, что находилась неподалёку, и привели с собой семерых полицейских. После чего мне сказали: «Пройдёмте, чтобы установить личность».

Меня посадили в «Газель», и мы сразу куда-то поехали. Вскоре я оказалась в отделении полиции. Когда сотрудники составляли новый документ и допрашивали меня, они начали как бы невзначай предлагать свои формулировки. Я перестала им отвечать, решив, что они занимаются манипуляцией. Про закон о «дис-

---

<sup>21</sup> Согласно российскому закону, уведомление о проведении митинга нужно подавать в срок от 15 до 10 дней до дня его проведения.

<sup>22</sup> Согласно российскому закону, гражданину не нужно подавать уведомление на проведение одиночного пикета.

кредитации армии» я не знала. В конце концов они сами «составили» эту мою объяснительную.

Я выходила на акцию не просто так, но сформулировала это для себя уже позже. Во-первых, меня переполняли эмоции: нужно было поддержать людей, украинский народ. В то же время я хотела высказаться против этой агрессии. В отделе полиции я запуталась: что мне нужно говорить, чтобы меня не обвинили в выступлении против армии? В конце концов женщины-полицейские стали меня торопить: «Давай быстрее говори, нам домой пора, дети в садике». Одна из них хотела, чтобы в объяснительной была формулировка, которую предложили они. Я отказывалась подписывать протокол и в итоге просидела в отделении три с половиной часа. На улицу я вышла только в 21:05.

Суд состоялся 25 марта, через месяц после начала «спецоперации». Меня признали виновной в «дискредитации армии» и оштрафовали на 30 тысяч рублей.

На следующий день после задержания, 15 марта, декан Марийского государственного университета, в котором я учусь, спросил меня, что произошло. Потом — уже в общежитии — меня вызвала к себе комендант и сказала: «С тобой кое-кто хочет поговорить». Я осталась у неё в кабинете. Пришёл человек, который представился помощником ректора. Мы с ним общались около часа: он расспрашивал, кто я, откуда, где живу, кто моя родня, есть ли родственники в Украине. Потом он сказал, что позиция университета — поддержка России, а я из этой картины зачем-то выбиваюсь, и напомнил, что у меня долги, учёба, мол, идёт неважно. Я ответила, что долги сдаю. У меня их, действительно, было

много, но я все закрыла. Остался только один несданный экзамен. В конце концов помощник ректора сказал: «Давайте, беритесь за учёбу, мы никаких санкций к вам применять не будем. Выбросьте всё это из головы и занимайтесь». А потом я провалилась на пересдаче экзамена — и после этого мгновенно собрали комиссию. Одна из девочек экзамен сдала на тройку, а мы трое не сдали. И нам сказали, что всё, нас отчисляют, больше ничего сделать нельзя.

На следующий день я зашла к декану — узнать, могу ли я подать на апелляцию, могу ли ходить на занятия. Он сказал: «Ну, это же решение комиссии: вы не сдали экзамен, документы пойдут на рассмотрение ректору. Можете восстановиться через год». Потом и преподаватели начали спрашивать: «Вас отчисляют, да?» Все твердили мне, что через год я смогу восстановиться. Из всех этих разговоров я сделала вывод, что меня точно решили отчислить. В общежитии давали понять, что я — посторонний человек.

Я не сожалею о том, что случилось: я просто должна была выйти на пикет. Но мне очень досадно, что я не заметила ту полицейскую машину, которая стояла неподалёку. Возможно, это снизило эффект моего выхода: никто не успел заметить, увидеть плакат.

## Алексей Нуруллин

ведущий разработчик  
программного обеспечения,  
37 лет

Ульяновск, Ульяновская область

Интервью записано  
в марте 2022 года



**Д**ля меня очевидно, что происходит военная операция Российской Федерации против свободной демократической страны, в которой президент и парламент выбирают на честных выборах, в которой есть местное самоуправление, и в этом она — полная противоположность России. Поэтому эта «операция» не стала для меня сюрпризом. И когда некоторые специалисты — даже официальные лица в самой Украине — утверждали, что никакой войны не будет, мол, это только геополитические игры, я всегда склонялся к мысли, что всё-таки военные действия начнутся, так как Украина окружена нашими войсками. Хотя в России и говорили, что это просто учения, но всё стало очевидным 24 февраля.

Меня волнует будущее России, поэтому я и выхожу на акции<sup>23</sup> для выражения своего мнения. Мне совершенно очевидно: то направление, в котором сейчас движется страна, — это путь к развалу. Многие эксперты

---

<sup>23</sup> В марте 2022 года Заволжский районный суд Ульяновска оштрафовал Алексея Нуруллина на 30 тысяч рублей по статье о «дискредитации армии».

и политологи давно отмечали, что центробежные стремления в регионах России будут усиливаться, а сам центр, наоборот, ослабевать.

Если говорить о наблюдениях на бытовательском уровне, то цены растут заметно, а зарплаты мизерно или даже уменьшаются, спрос на товары и услуги падает — соответственно, рабочие места сокращаются. И этот процесс сказывается уже во всех сферах экономики. Я не совсем понимаю, на чём основаны такие вот «геополитические интересы» Владимира Путина. На мой взгляд, он видит в этой истории с Украиной только свою цель — видимо, войти в историю, воссоздать Советский Союз. Но это точно не в интересах людей.

Я думаю, такого человека, который в нынешней ситуации абсолютно ничего не боится, нет. Но мы должны оставаться людьми. И законы, которые приняли нам в наказание даже за одиночные пикеты, за выражение своего мнения, — это абсолютно антиконституционно. Закон в тоталитарном государстве, в которое превратилась Россия, уже не действует — действуют только «хотелки» правящей группы.

Я самозанятый<sup>24</sup> и стрессоустойчивый человек, и это важно. Мне не нужно думать, уволят меня или нет, я могу свободно высказывать свою точку зрения. Я считаю глубоко неправильной практику увольнения людей за их мнение, что мы наблюдаем сейчас по всей стране. В госучреждениях, и не только в них, идут массовые

---

<sup>24</sup> Самозанятый гражданин — физическое лицо, перешедшее на специальный налоговый режим. Для них предусмотрена льготная ставка налогообложения от самостоятельной деятельности — 4 или 6%.

увольнения за жизненную позицию, и тем самым работодатели сами загоняют себя в тупик, в тоталитаризм, который уже фактически наступил. Это губительная для страны политика.

Близкие по-разному относятся к моей жизненной позиции. Кто-то поддерживает, кто-то нейтрален. Тех, кто был бы категорически против, нет. Просто мои бабушка и дедушка уже в годах, и я не посвящаю их в свою активность, чтобы не травмировать, не доставлять неудобств. В семье меня все поддерживают. К иной точке зрения я отношусь сдержанно. Она агрессивна: мы постоянно слышим призывы кого-то посадить, депортировать и так далее. Такое ощущение, что люди тотально зомбированы пропагандой. Когда о происходящем не стесняясь врут «из всех утюгов», то люди неизбежно поддаются этому, начинают искать врагов даже среди знакомых. Рушатся дружбы, даже родственные связи. И те, кто занимается этим сознательно, должны понести наказание за разжигание ненависти в гигантских масштабах.

Перемены в любом случае придут. Они уже наступают. В России практически заблокированы поставки со всего мира. Если большинство людей не одумается, то это приведет к печальным последствиям. Надеюсь, что люди начнут выступать с четкой позицией против этого убийственного для страны курса — в таком случае, думаю, у России есть шанс выжить как государству. Если же большинство одумается только тогда, когда почувствует эти последствия на себе, то, боюсь, будет слишком поздно.



## Равиль Шарафутдинов

юрист, 29 лет

Сызрань, Самарская область

Интервью записано  
в мае 2022 года



**В** феврале я работал удалённо и толком ничего не отслеживал. Я помню, как за пару недель до начала «спецоперации» мама написала мне: «Что, война?», и я ей ответил: «Нет, нет-нет-нет. Какая война?» Какая вообще может быть война в XXI веке?

24 февраля я ещё толком ничего не понял, а когда на следующий день стало известно, что бомбят Киев, я написал родственникам: «Киев бомбят, война началась» — и тогда мама ответила: «Да нет, нет-нет, нет никакой войны, там только Донбасс, никто не бомбит Киев, ничего такого нет!» Впрочем, я, пожалуй, тоже долго не мог этого принять, хоть разумом и понимал, что происходит. Я не мог свыкнуться с новой действительностью: она была для меня слишком тяжёлой, я ощущал ступор и панику. Одно могу сказать точно: с самого начала я был категорически против войны.

В мае я решил выйти на пикет — стало уже, наверное, физически тяжело молчать. Совесть просто не успокаивалась, с каждым днём граница между чёрным и белым становилась всё чётче и яснее. И балансировать между тем и другим было просто невозможно: тебя загоняет

во мрак, и ты понимаешь, что, если хочешь остаться на светлой стороне, придётся переступить черту и перестать бездействовать.

Я с самого начала войну не поддерживал, но так же, как и все, больше «на кухне». Однако я говорил и продолжаю говорить с людьми и рассказывать, что «спекоперация» — это неправильно. Основная масса, на самом деле, вообще никак не думает. И когда люди узнают хотя бы немного о том, что происходит на самом деле, у них меняется — точнее, появляется — мнение. Но в какой-то момент я понял, что просто говорить уже недостаточно.

До этого я вообще никогда не выходил на акции. Да и с этим пикетом у меня была не совсем героическая история — не такая, как пишут в книгах. В марте я попытался выйти с плакатом в центре города, несколько минут постоял и понял, что я пока не готов уезжать в автозаке в камеру для административно задержанных (КАЗ). У меня трое совсем маленьких детей, жена. Конечно, камеры меня зафиксировали, кто-то подъезжал и смотрел, но никаких последствий не было. А потом я подумал: а почему нет-то? Я юрист и понимаю, что ничего незаконного я не делаю. А то, что наше государство это считает незаконным, — ну, получу административный штраф, отсижу несколько суток. Зато останусь человеком.

1 мая я пошёл на городской концерт в футболке, на которой написал: «Я за мир». Честно говоря, было страшно. И вот первый, второй, третий полицейский. Все между собой переговариваются по рации, звонят куда-то, идут за мной, один так и шёл через всю улицу. Видимо, в итоге они решили, что «Я за мир» — это допустимо. И ничего не сделали, только шли и наблюдали.

И прохожие смотрели, кажется, очень удивлялись, но никаких ужасов не было. Подходили наши знакомые, говорили: «Так вы не боитесь? Вы молодцы!» И вдруг оказалось, что выразить своё мнение совсем не страшно — наоборот, от этого испытываешь облегчение! Наверное, тогда, 1 мая, я ещё не мог предположить, что выйду с плакатом «Нет войне», но то, что произошло в тот день, придало мне невероятно много сил.

Насколько я знаю, в нашем городе до этого не было никаких антивоенных акций, пикетов, но я уже не боялся взять плакат и встать с ним в центре города, на главной площади. Знаете, что меня больше всего удивило? Я ведь шёл и думал, что процентов восемьдесят поддерживают так называемую «спецоперацию». Думал, что сейчас меня будут обзывать или что похуже, но решил, что надо побороться за неопределившихся. Но в действительности люди, проезжая мимо площади, сигналили, поднимали вверх большие пальцы и кричали: «Молодец! Да, так и надо! Нет войне!» Очень многие подходили пожать руку. Какая-то бабушка даже подошла к нам и стала что-то зачитывать из книги. Подходила семнадцатилетняя девочка и говорила, что тоже хотела бы встать рядом, но я сказал: ни в коем случае не надо, пока тебе не исполнится 18 лет. Я вообще не ожидал, что у столько людей эта акция откликнется, срезонирует, что будет столько поддержки. И когда я всё это увидел, страх окончательно пропал, я о нём больше даже не вспоминал.

Я простоял буквально 15 минут до прибытия полиции, а после этого — ещё более двух часов. Один за другим подъезжали полицейские, предъявляли то одно, то

другое. Один говорил: «У вас митинг», я ему отвечал: «Как юрист вам говорю — это не митинг». Потом говорили, что у меня не согласован пикет. Я объяснял, что по закону одиночный пикет согласовывать не нужно.

В итоге приехало более десяти полицейских, от сержанта до подполковника. Даже ГИБДДшники были, ходили туда-сюда, просили дать объяснения, против какой я войны. Я отвечал, что никаких объяснений давать не буду, и если они считают, что я что-то нарушил, то могут составить протокол. В конце концов они составили протокол по статье 20.3.3 КоАП РФ — «дискредитация армии»<sup>25</sup>. Дальше был совсем уж смешной диалог. Спрашивали: «А вы против войны в Украине?» Я уточнял: «А что, вы считаете, у нас там война, а не спецоперация?» «Так вы против спецоперации?» — и я сказал, что ничего объяснять не буду: как они видят, так оно и есть.

После составления протокола меня не стали никуда увозить. В принципе, тут они могли бы пресечь совершаемое, по их мнению, правонарушение: например, забрать плакат. Протокол мы заполнили, а я всё стою с плакатом. Я расписался — а с плакатом-то всё ещё стою! И арестовать полицейские меня по этой статье не могут. Наконец они, наверное, поняли, что сделали что-то не то. И один из них сказал: «Да ты наркоман! У тебя глаза красные, губы белые и руки трясутся». Мы

---

<sup>25</sup> Статья 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования российской армии» или призывы её не использовать». Статья введена в Кодекс РФ об административных правонарушениях 4 марта 2022 года, спустя несколько дней после начала российского вторжения в Украину.

с женой возразили, что у нас есть видеозапись и ничего подобного на ней не видно. «Нет-нет, — ответил он, — мы подозреваем, мы считаем, что вы приняли наркотики, вам нужно пройти экспертизу!»

Тут я уже понял, что их единственная цель — забрать меня. Я сказал, что никуда не пойду, — они ответили, что задерживают меня «за неповиновение полиции» и за отказ от медицинского освидетельствования<sup>26</sup>. Начали толкаться, повалили на колени, но плакат я не отпускал. В конце концов они надели на меня наручники, взяли за руки, за ноги и кинули в свою газельку.

Как юрист я понимал, что они не могли забрать меня по статье 20.3.3 КоАП. Поэтому и решили выставить отца троих детей наркоманом. «Закрыть» меня более чем на сутки, посадить в КАЗ с абсолютно пьяными людьми, чтобы я спал там на деревянных досках. Как только я вышел на свободу, то сделал независимое обследование — никаких наркотиков у меня в крови не обнаружили.

Я несколько не жалею, что вышел на улицу. Если у меня и были какие-то ожидания от моей акции, то результат намного превзошёл их. Я понял, что поступил совершенно правильно.

«Спецоперация» может закончиться чем угодно, но при любом исходе нашу страну ничего хорошего не ждёт. При каком угодно раскладе мы не выйдем из во-

---

<sup>26</sup> Согласно закону, сотрудники правоохранительных органов России в случае наличия у них подозрений о состоянии алкогольного или наркотического опьянения гражданина вправе потребовать от него пройти медицинское освидетельствование. Отказ может повлечь за собой штраф или административный арест. Решение принимает суд.

йны даже с малой выгодой. Либо будет заключён мир, который разрушит российскую экономику, либо против России пойдут десятки стран, и начнётся Третья мировая, либо ещё что-то в этом роде.

Я думаю, что многие не выходят на акции протеста, потому что есть влияние телевизора. Не в плане пропаганды, а в том смысле, что многим кажется, что все остальные — «за». И даже если кто-то сомневается или даже категорически против, он думает: «А кому я это покажу?» Я и сам так думал. А вышло-то по-другому! Оказывается, очень многие люди — против войны.

## Альбина Ардаханова

SMM-специалистка, 30 лет  
Набережные Челны,  
Республика Татарстан

Интервью записано  
в марте 2022 года



**Я** считаю, что в XXI веке есть иные варианты решения проблем, кроме военных операций. Пока одни сидят за столом переговоров и делят территорию, другие лишаются братьев, отцов и сыновей. У меня нет близких знакомых в Украине, но я слежу за творчеством многих людей, которые были вынуждены под бомбежками и под вой сирен покинуть свои дома, свою страну и остаться вмиг ни с чем. Я вижу, что новостные паблики пестрят фотографиями погибших: это молодые ребята, многие — мои ровесники, и я не желаю им такой судьбы. Они должны строить семьи, заниматься бизнесом, путешествовать, делать то, что хотят, а не умирать по чьему-то приказу.

Я выразила своё несогласие с ситуацией в мире, написав на куске обоев «Нет войне» и вывесив его на балкон. Я не считаю, что это смелый поступок. В День Победы в Великой Отечественной войне в школе и институте мы с ребятами всегда вспоминали об ужасах войны и были солидарны в том, что больше такого повториться не должно. Я считаю себя патриотом России и хочу, чтобы у нашей страны было будущее, поэтому мне нечего бояться.

В тот же день ко мне в дверь постучался сотрудник полиции. У меня не было никакого страха, ведь ничего плохого я не совершила. Выяснилось, что полицейский хочет осмотреть мой балкон. Я попросила предъявить ордер на обыск или постановление суда, но ничего из этого у сотрудника при себе не было. Тогда я сказала, мол, когда будут соответствующие документы, тогда и поговорим, но дверь квартиры закрыть не смогла — мне помешал полицейский, придерживая её ногой.

Позже ко мне поднялся ещё один человек, который оказался подполковником полиции. В ходе диалога начались угрозы: мол, сейчас сюда приедут «пацаны» и «всё сделают». Я не понимала, кто приедет и что делает, — я живу одна, мне стало страшно, что сейчас кто-то приедет и будет хозяйничать в моём доме. И я отдала плакат полицейским. Хотя в момент задержания ко мне не применяли физическую силу, но я боялась этого, поэтому добровольно пошла вместе с полицейским в машину.

Меня повезли в отдел полиции. Один из сотрудников был настроен агрессивно, говорил, что «таких, как я, надо отправлять на Украину». Когда я спросила, поддерживает ли он войну, он не ответил, сказав лишь, что «поддерживает советскую власть», но потом поправился, мол, всё-таки «российскую».

В суде я отказалась давать разъяснения в отсутствие адвоката и свою вину не признала. Суд же признал меня виновной в «дискредитации армии» и назначил штраф в 30 тысяч рублей.

В моей семье разные позиции относительно происходящего. Тем не менее мы все одна семья и стараемся



помогать друг другу, чем можем. Мои родители до сих пор не верят, что меня осудили за надпись «Нет войне» в моей же квартире. Они, так же как и я, не понимают, в чём меня признали виновной.

Давления я не боюсь. Но меня пугают прецеденты доносов, как в сталинские времена. Скорее, я боюсь преследования со стороны тех, кто не согласен с моей точкой зрения. О том человеке, который пожаловался на меня, я узнала от полицейского. Именно после его обращения в дежурную часть ко мне приехали сотрудники полиции. Потом в протоколе я увидела его имя и адрес: это был сосед из дома напротив.

Я вижу, что многие сейчас лишаются работы. И конечно, замечаю, что цены в магазинах растут каждый день, в том числе на товары первой необходимости. Пугает, что в обществе всё сильнее националистические убеждения. Ещё один тревожный звонок для меня — это тот факт, что в политику вмешивают детей. Перемены к худшему происходят буквально каждый день, и не замечать их невозможно.

Я не хочу уезжать от своей семьи, из своего дома. Надеюсь, что не придётся.

## Камиль Чураев

художник, дизайнер, 46 лет  
Уфа, Республика Башкортостан

Интервью записано  
в апреле 2022 года



**П**роисходящее настолько ужасно и так явно касается буквально каждого из нас, что делать вид, будто это может обойти тебя стороной, нечестно по отношению к самому себе. Пикеты<sup>27</sup> были естественной реакцией, желанием донести до людей, что лично я — против того, что происходит. Это немного беспомощное ощущение. Что я могу? Я могу что-то накаркать на листочке и выйти на улицу. Других рычагов у меня нет, разве что написать что-то в соцсетях.

У меня нет близких родственников в Украине — есть знакомые по соцсетям, но это не так важно. Ты очень легко можешь представить себя и свою семью на месте этих людей. Может быть, это прозвучит как атавизм, но ведь нас объединяет одна языковая среда, за границей русских и украинцев отличить невозможно. Мои знакомые из Украины пишут, что им важно видеть поддержку людей из России.

---

<sup>27</sup> Камиль Чураев выходил на одиночные антивоенные пикеты 24 и 27 февраля, а также 2 марта.

Полтора года назад на волне белорусских протестов<sup>28</sup> и событий вокруг Куштау<sup>29</sup> ко мне приходили силовики, приглашали на встречу, но я не пошёл. Сейчас я придерживаюсь позиции, что лучше спрятаться и из безопасного места клеймить проклятый режим, называть всё своими именами. Я считаю это своим священным правом. Если идёт война, я буду называть её войной. Да, мне кажется, что сейчас я прячусь, хотя, может быть, это самообман. Я не живу дома, сменил сим-карту, не пользуюсь сетями GSM, но уезжать за границу у меня нет ни возможности, ни желания. Меня очень поддерживает и подпитывает надежда и уверенность, что мы присутствуем при агонии режима.

Я считаю корнем проблемы то, что с детства нас воспитывают в послушании и подчинении. Человек вырастает готовым подчиняться командному голосу, даже не проверяя основания для подчинения. Это проблема не только россиян, а всего человечества; это и приводит к войнам. Люди считают, что, если кто-то отдаёт приказ, то его необходимо слушаться. Человека надо вос-

---

<sup>28</sup> Протесты в Беларуси начались в ночь с 9 на 10 августа 2020 года после объявления итогов президентских выборов, согласно которым уверенную победу одержал Александр Лукашенко. По данным независимых наблюдателей, выборы выиграла Светлана Тихановская. Акции протеста приобрели общенациональные масштабы и завершились к марту 2021 года.

<sup>29</sup> Защита активистами шихана (сопки) Куштау шла в республике с 2018 года. Глава Башкортостана Радий Хабиров заявил, что принял решение отдать Куштау в качестве сырья Башкирской содовой компании (БСК). После этого началась активная кампания по защите шихана. Основной пик противостояния пришёлся на 15 и 16 августа 2020 года, когда столкновения защитников Куштау и БСК перешли в острую фазу. Против активистов применяли физическую силу — их избивали, арестовывали, разгоняли их лагеря. В результате Хабиров обещал не разрабатывать Куштау, пока не будет найден компромисс. Защитникам шихана удалось его отстоять.

питывать так, чтобы он нёс личную, персональную ответственность за свои поступки, которую с него никто не сможет снять — никакая присяга, никакой приказ. В таком случае вопрос, подчиняться или нет, будет звучать по-другому, и человек будет задавать его себе сам.

## Зульфия Ситдикова

временно безработная, 45 лет  
Казань, Республика Татарстан

Интервью записано  
в июле 2022 года



**К**огда началась война, я в это не поверила: думала, что Путин опять хочет кого-то погугать. Только через день-два я начала вникать глубоко и ощутила шок от всего происходящего. Это в любом случае война, а не «спецоперация». Как можно нападать на суверенное государство? У нас такая огромная страна — зачем нам чужие территории, из-за амбиций не совсем здорового человека?

Зимой 2021 года я была на всех митингах в поддержку Алексея Навального<sup>30</sup>. Тогда было, наверное, проще: там позволяли ходить, скандировать. А сейчас всё стало жёстче, а люди всё терпят и терпят. Мы в самом деле скоро превратимся в Северную Корею. После начала войны я тоже выходила на акции. Меня задерживали 6 и 13 марта: один раз отпустили без протокола, а во второй — продержали полтора дня в отделе и оштрафовали на 10 тысяч рублей.

---

<sup>30</sup> В десятках городов России и мира 23 и 31 января 2021 года прошли акции с требованием освободить Алексея Навального. Его задержали 17 января в аэропорту Москвы после возвращения из Германии, где он проходил лечение после отравления боевым отравляющим веществом из группы «Новичок».

В интернете я купила толстовку с надписью «No War» («Нет войне»). Я ходила в ней по городу 12 июня, когда был День России. 14 июня был концерт Олега Газманова; было тепло, и я повесила кофту на плечи. Опасения из-за этой толстовки у меня были, но не настолько: я не думала, что будут такие последствия, в том числе арест. С другой стороны — а сколько можно молчать? Кто-то же должен что-то делать! Я не так давно начала интересоваться политикой; даже когда Крым вошёл в состав России, я не понимала, зачем это нужно, но тогда я не осознавала глубины проблемы.

В конце концерта ко мне подошли полицейские и сказали: «Пройдёмте с нами». Меня доставили в полицию. В тот день всё было спокойно: мне достался очень любезный сотрудник. На меня составили протокол о «дискредитации армии»<sup>31</sup>, забрали толстовку и отпустили. 6 июля мне позвонил участковый и сказал, что ему нужно вернуть мне толстовку. Около шести часов вечера я пришла в отдел полиции, и в дежурной части мне сказали пройти к участковым. В этот момент в кабинете участковых все засуетились, закрыли дверь и начали кому-то названивать: «Бегом сюда, она пришла». Я поняла, что сейчас что-то будет.

В тот день после похода в полицию я планировала уехать за город и сказала, что ждать не могу. И пошла к выходу. Один полицейский побежал за мной и сказал: «Стойте, они уже едут». Подъехали трое полицейских и, не представившись, сказали: «Пойдёмте заби-

---

<sup>31</sup> 22 июля 2022 года Ново-Савиновский районный суд Казани оштрафовал Ситдикова на 40 тысяч рублей по статье о «дискредитации армии».

рать кофту». Я предложила, чтобы мне вернули её на улице. Они настаивали на том, чтобы я прошла в отдел. У одного из полицейских, видимо, лопнуло терпение: он взял меня за руку, начал её выкручивать и тащить меня в кабинет. Только в этот момент мне сказали, что им нужно исправить протокол моего привода 14 июня. То есть они придумали эту историю про возврат кофты, чтобы заманить меня в отдел. Я говорила им, чтобы меня вызвали повесткой, — в ответ на это они просто смеялись. Меня затащили внутрь и сказали, что на меня будут оформлять протокол по статье 19.3 КоАП РФ («Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции»).

До утра следующего дня я пробыла в отделе полиции. Утром появился какой-то неадекватный сотрудник: он наорал на меня матом за то, что я отказалась от суда по видеоконференцсвязи. Я просила его представиться, чтобы написать на него заявление, но он отказался. Я просила вызвать начальника — он вновь отказался и заявил, что больше не будет ко мне подходить и не станет выводить меня в туалет. «С вами только так надо поступать», — говорил он. Я была в шоке. И он действительно перестал выводить меня в туалет. Я долбилась в эту дверь и шумела на весь отдел! В итоге постучалась соседняя камера, и он подошёл. Через дверь я попросила его вызвать мне скорую — он немного испугался. Меня всю трясло. Я всё-таки сходила в туалет, умылась, и мне стало легче. Несколько минут я смогла поговорить с адвокатом и рассказала, что происходит. Потом я узнала, что адвокат куда-то позвонил, пожаловался — и через несколько часов за мной приехала скорая.

Меня повезли в суд с двумя протоколами, но рассмотрение дела отложили. Тогда меня вернули в отдел, и я снова провела там ночь. 8 июля суд арестовал меня на 5 суток за неповиновение полиции, отказав при этом в прослушивании аудиозаписей моих разговоров с полицейскими. Я говорила судье: «Вы пытаетесь меня наказать, но только разозлили». История же показывает, что из этого бывает. Я не хочу этого бояться! Как можно бояться, если с каждым разом всё хуже и хуже?

Некоторые близкие и знакомые удивляются моей позиции. Даже когда речь заходит о повышении цен, я спрашиваю: «А что вы сделали, чтобы этого не было?» Меня не совсем понимают, так как у нашего поколения рабское мышление. Однако сейчас ситуация немного меняется: люди, в том числе некоторые полицейские, начинают понимать, что такое война.

Сейчас в моём окружении не так много людей, которые выступают за войну, но большинство просто боится. Я пытаюсь разговаривать со сторонниками войны, но нужно переубеждать именно сомневающихся. Многие просто говорят, что не разбираются в политике, не интересуются ею, а я им отвечаю: «Вы понимаете, что это всё взаимосвязано?»

Молчать я не умею. Если сейчас объявят митинг, я туда однозначно пойду.



## Константин Кикеев

монтажник малых строительных конструкций, активист, 37 лет  
Киров, Кировская область

Интервью записано  
в апреле 2022 года



**Я** никогда не был подвержен пропаганде. Я уже давно не смотрю телевизор. Я никогда не голосовал за Владимира Путина. Когда Борис Ельцин объявил его «преемником», я подумал, что добром это не кончится. Российский народ словно с ума сошёл после взятия Крыма в 2014 году, и с тех пор безумие только нарастает. Но всё-таки я не ожидал, что Россия нападёт на Украину, начнет бомбить Киев, убивать женщин и детей. Я был в шоке больше месяца, меня просто разрывало от отчаяния, а потом я начал выходить на акции.

Моя работа связана с постоянными командировками. Я монтирую малые строительные конструкции в Москве, Казани, Ульяновске, Кирове и других городах России. И везде, где бываю, стараюсь проводить антивоенные акции. Конечно, я действую осторожно, в основном по ночам. Беру баллончик с краской и пишу «Остановите войну!» на зданиях, на заборах, на снегу, в подземных переходах. Когда произошли события в Буче, я написал «Буча» красной краской. Зимой я вытоптал слова «РФ — оккупанты» на снегу в Казани.

Иногда я выхожу днём и стою с плакатом «Тысячи невинных жизней» или «Репарации» на улице или в метро. Обычно такие акции продолжаются минут десять —

больше нельзя, потому что заметит полиция. Но если за это время мимо меня в московском метро пройдёт человек сто и один из них задумается, это уже хорошо. В основном люди реагируют недоброжелательно и агрессивно: кричат, ругаются матом, могут плюнуть под ноги, грозятся побить. Некоторые говорят, что я «предатель» и меня нужно расстрелять. Кроме того, я постоянно получаю в соцсетях угрозы нецензурного характера. Даже те, кто раньше выступал против Путина, теперь пишут: «Вова — молодец, а хохлов \*\*\*\*\* надо давить! Давно пора сбросить на них ядерную бомбу!»

Это война русского народа, который чувствует редкое воодушевление, объединившись вокруг своего лидера — Владимира Путина. Жертвы среди мирного населения и даже в рядах собственной армии уже никого не пугают. Жестокость, насилие, грабёж, убийства, преступления против человечности — всё это оправдывают государственной необходимостью и «геополитическими интересами» России. Некоторые россияне делают вид, что они тут ни при чём и не знают, что творится, — как будто в стране не работает интернет и нельзя узнать правду. Нет, правду узнать можно, но они сами этого не хотят. Им комфортнее жить в зомбированном состоянии. Знак Z сейчас можно увидеть на театрах, школах, правительственных зданиях, троллейбусах, автобусах, личном автотранспорте, даже в детских садах. Недавно мы с женой вынуждены были забрать своего младшего ребенка из детского садика, потому что там тоже знак Z повесили. Старшего ребенка, наверное, тоже не будем в школу водить<sup>32</sup>, переведём на домашнее обучение. Налоги мы платить отказались, не хотим, чтобы на наши деньги делали бомбы.

Я считаю, в России всегда был фашизм: я имею в виду почти весь XX век. Разве идеологию коммунизма нельзя назвать разновидностью фашизма, особенно учитывая то, сколько она принесла жертв? Сколько народу убили во время Гражданской войны, раскулачивания, во время массовых репрессий? Я думаю так: раньше был фашизм красный, а теперь — коричневый. Раньше был левый, а теперь — правый. Вот и вся разница. У меня такое впечатление, что в Украине я увидел Чечню во второй раз. То, что русские солдаты делали в Чечне с мирным населением, то, что они делали в Сирии, они сейчас творят в Украине. У меня одноклассники служили в Чечне. Прошло 20 лет, но они до сих пор отказываются говорить, что там происходило на самом деле. Они совершали такое, что до сих пор молчат в тряпочку.

Я чувствую, что играю с огнём. Недавно меня задержали на Театральной площади в Кирове с плакатом «РФ — оккупанты». Похоже, кто-то из прохожих донёс, позвонил в полицию. Прибежали полицейские, долго звонили начальству, спрашивали, что со мной делать. Потом повели в полицейскую будку, составили административный протокол, обвинив в «дискредитации российской армии». Я пытался им доказать, что я имел в виду население России, а не российскую армию, но такие нюансы их не волнуют. Чем это для меня закончится, административным наказанием или будут раскручивать на уголовную статью, я пока не знаю.

---

<sup>32</sup> В середине мая 2022 года Константин и Надежда Кикеевы вместе с детьми покинули Россию и попросили политического убежища в Литве.

## Владимир Данилов

организатор детских  
праздников, 55 лет  
Йошкар-Ола,  
Республика Марий Эл

Интервью записано  
в июне 2022 года



**Н**е верилось, что произойдёт вторжение, потому что здравому человеку это просто не могло прийти в голову. У всех было мнение, что Владимир Путин не развяжет эту войну. И казалось, что будет массовый протест, если она всё же начнётся.

Меня поразило, что большинство людей, как я вижу, поддержало войну: среди моих друзей таких много. Раньше, когда мы сидели, разговаривали о выборах, жизни, политике, было понятно, что они не поддерживают действующую власть, Путина. А после 24 февраля у них в мозгу произошла какая-то трансформация. Они стали говорить: «Если уж мы начали, то надо продолжать». Эта точка зрения, конечно, убивает. Я долго думал, почему так происходит, что у них с мозгами? Была даже версия, что это результат вакцинации против ковида или влияние алкоголя. Но в конце концов я пришёл к выводу, что всё дело в телевизоре: он так воздействует на людей. А большинство смотрит первый и второй каналы<sup>33</sup>, не ищут других источников инфор-

---

<sup>33</sup> «Первый канал» и «Россия-1» — общероссийские федеральные телеканалы, которые фактически контролируются государством.

мации. Видимо, дело даже не в алкоголе, вакцинации и телевизоре, а в несменяемости власти.

У меня три собаки породы самоед: отец, мать и сын. Отцу — 12 лет, матери — 10, сыну — 5. Всех трёх я держу в квартире и провожу с их участием праздники в городе для детей. Сделал нарты, научил собак ходить в упряжке. Зимой на улице мы катаем детей, денег за это не берём. Позднее мы придумали летнюю тележку и мыльные пузыри. Зимой мы делаем у своего подъезда ледяные скульптуры. Мы много чем увлекаемся: ирландскими танцами, бачатой, моржеванием, бегом, лыжами. Собачьи катания и шоу мыльных пузырей — это бесплатные представления, мне нравится их проводить. Праздники — это не бизнес, но очень дорогое удовольствие для меня. И это длится уже около десяти лет. Девять лет назад, когда я начинал катать детишек, к нам относились лучше: приносили собакам еду, давали деньги, но я их не брал, а за еду был благодарен. Сейчас этого почти не бывает. Многие и «спасибо» не говорят.

В 2014 году я выходил на пикет с плакатом «Нет войне». Я вообще против войны. Тогда тоже были многие за. Когда я вышел, то в меня плевались, буквально. Но я своих взглядов не скрываю — например, выхожу в день убийства Бориса Немцова, 27 февраля. Мне кажется важным высказывать свою позицию публично. Супруга меня поддерживает в этом, но очень переживает.

С украинцами у меня связано довольно многое. Я еще при Советском Союзе объездил всю Украину: был и в Киеве, и в Закарпатье. И командировки у меня были по всему Советскому Союзу. Нигде к солдатам не относились лучше, чем в Украине. Поэтому, конечно,

мне больно. Я не верю, что там есть какие-то нацисты. Конечно, мы один народ, это сейчас его разъединили. Идеология насаждалась и с украинской стороны, но с российской — просто жуть какая-то. А с этой войной, конечно, они нас возненавидели. И будут ненавидеть через сто лет после неё. И я бы ненавидел тех, кто на нас напал.

Войну надо прекращать, это однозначно. Сколько людей погибает! Может быть, у кого-то после моих слов в голове что-то повернётся. Ведь если только «боты» будут высказывать своё мнение, то создастся впечатление, что все вокруг поддерживают эту войну. Мне перед внуками будет стыдно, если я промолчу. В мае я репостнул в сети «ВКонтакте» текст режиссёра Кирилла Серебренникова<sup>34</sup>. С его творчеством я не сталкивался, но вот эта статья — отсылка к фотографии убитой женщины с красным лаком на ногтях<sup>35</sup> — произвела на меня сильное впечатление. Не каждый способен так написать о войне, чтобы до слёз.

---

<sup>34</sup> Кирилл Серебренников — российский режиссёр. 24 мая в своём Telegram-канале он опубликовал антивоенный текст. Серебренников, в частности, написал: «Солдаты моей страны вошли в чужую страну и начали её уничтожать. Убивать людей. Разрушать дома. В Россию из Украины едут гробы и украденная бытовая техника, возвращаются калеки и ненависть. Эти бомбы вернувшейся ненависти мощностью в несколько Хиросим разносят на куски жизнь моей страны. Ими заминировано будущее каждого человека, каждой семьи. Эта ненависть сметёт надежды на благополучие и свободу. Жизнь в страхе и ненависти — вот что ждёт нас, свидетелей, участников, жертв этой войны. Даже если мы против неё».

<sup>35</sup> Одну из женщин, погибших в городе Буче Киевской области, опознали по маникюру. Второго апреля фотографию её руки с ярко-красным лаком на ногтях опубликовало агентство Reuters. Погибшей оказалась 52-летняя жительница города Ирина Филькина. Её узнала визажистка из Гостомеля Анастасия Субачева, у которой Ирина брала уроки макияжа до начала войны.

Я высказал своё мнение, а что будет дальше, я не знаю. Но я не боюсь. Меня удручает другое. В городе все знают, что я бесплатно катаю детей на собачьих повозках, провожу праздники мыльных пузырей. И вот меня обсуждают какие-то «боты» в соцсетях, потом будут судить<sup>36</sup>. Возможно, закроют мою страничку, а я через неё звал детей на бесплатные праздники. Сколько тысяч детишек я покатаю в городе, сколько счастья им принёс! Что они творят? Бесплатные праздники я проводить не прекращаю, просто буду выходить без объявлений. Думаю, это главное, что я сделал в жизни.

Антивоенные санкции, конечно, коснулись всех. У меня дочку сократили на работе в Москве. Раньше мы ездили на международные соревнования по ирландским танцам, а сейчас не поедём. Более того, в Москве такие соревнования (чемпионаты страны) судили судьи из Ирландии. Без них не идёт зачёт соревнований. А теперь они не приедут.

Но изменения всё же происходят. Люди начинают задавать вопросы. Например: «А почему так долго идет “спецоперация”? А где взятый Киев?»

---

<sup>36</sup> 6 июля 2022 года Йошкар-Олинский городской суд оштрафовал Владимира Данилова на 30 тысяч рублей за «дискредитацию армии».

## Юлия Самойлова

массажистка, 53 года

Уфа, Республика Башкортостан

Интервью записано  
в мае 2022 года



**Р**аньше я никогда не участвовала в акциях. Я была далека от политики, никуда не лезла и ничем не интересовалась. Но с 24 февраля я не могу жить спокойно. Я вижу, что много людей думают так же, как я. И меня это радует.

Первый раз я вышла на пикет 27 февраля. Я встала возле стелы, посвящённой Всеобщей декларации прав человека, с плакатом «Позор войне». Простояла я минуты три. Меня задержали полицейские и доставили в отделение полиции №9. Они спрашивали, с кем я связана и кто мне поручил туда встать. Я отвечала, что встала по своей собственной воле. Мне выдали предупреждение и отпустили.

27 марта и 3 мая я выходила с плакатом «Я за мир». Тогда я простояла дольше, но меня вновь доставили в то же отделение полиции. Там меня спрашивали: «За какой мир вы выступаете? Что вы имеете в виду?» Я отвечала, что мир один и каждый имеет в виду то, что думает. В третий раз в отделении не знали, что со мной делать: был выходной, и участковый не был в курсе, что



спрашивать. Он взял с меня объяснения, а потом ему кто-то позвонил и сказал, что нужно задавать вопросы по-другому. Тогда он опросил меня повторно. Я отвечала так, как было выгодно мне. Меня провоцировали, спрашивали: «Выступаете ли вы против действий Вооружённых Сил РФ?» Я отвечала: «Я ничего не говорила, у меня просто плакат за мир». В четвертый раз я вышла на пикет 9 мая с плакатом «Мой дед воевал против фашизма». Полицейские подошли через несколько минут, но длительное время не знали, что делать. В конце концов они меня доставили в отделение полиции, опросили и отпустили без протокола.

Я считаю, что надо избегать штрафов, потому что они идут на определенные цели. Поэтому надо быть поумнее и похитрее. На меня психологическое давление полицейских не действует. Слава богу, у меня крепкая психика, хорошая логика, и я надеюсь, что ума тоже хватает. Доказывать свою позицию лучше на пикетах, а не в полиции. Я осознаю, что на меня могут составить протокол, я к этому готова, но буду отстаивать свои права, доказывать, что я не нарушила закон.

Я выхожу на акции и для себя, и для людей: чтобы они не боялись. Когда я стою в пикетах, то всегда получаю поддержку: люди подходят, жмут руки, благодарят, говорят: «Спасибо, вы молодец», фотографируются рядом. Конечно, бывали и случаи агрессии, когда люди подходили и спрашивали: «Что вы хотите этим доказать?» Но я считаю, что каждый имеет право высказывать свою точку зрения. Свою позицию нужно выражать. Я надеюсь, что мои акции не проходят для людей бесследно, влияют на них. Я понимаю, что мно-

гим страшно, многие боятся, им есть что терять, — но меня радует, что они хотя бы чувствуют, как я.

Первый раз выходить на пикет было страшно: когда я беседовала с полицейскими, то чувствовала, что у меня дрожит голос. В полиции мне не было страшно, несмотря на то, что я там была впервые. Я понимала, что права. Когда человек знает, что он прав, это придает ему сил и уверенности. То же относится к статье о «дискредитации армии»: я считаю, что, если человек прав, ничто на свете не может его дискредитировать. Правому человеку не нужно ничего доказывать.

Близкие и родные на мои акции реагируют по-разному. Сын говорит: «И чего ты добьёшься? Зачем тебе это надо? Всё останется как было». Но я считаю, что капля камень точит. Меня очень поддерживает мой отец и некоторые другие мои родственники. Когда мне говорят, что нужно быть патриотом родины, я отвечаю, что я — патриот, люблю свою страну и хочу, чтобы люди здесь жили достойно. И я — за мир, я против смерти в мирное время. Да, есть люди, которые считают, что война — это хорошо. Это происходит из-за многолетней пропаганды, промывки мозгов, огромной работы по продвижению военного образа жизни, милитаризма. Меня это не коснулось, потому что мой дед воевал с фашистами, он прошёл всю войну. Когда я была маленькая, он рассказывал мне о войне, поэтому я её противница. Я считаю, что для любого нормального человека неприятие войны естественно. То, что у нас на парадах бряцают оружием, это неправильно.

Я думаю, нашу страну ждёт катастрофа. Когда закончится всё это безобразие, я даже не представляю.

Хотелось бы, чтобы скорее, но я боюсь, что это может произойти большой ценой. У нас уже есть репрессии, бедность, мы в блокаде со всех сторон. Я не знаю, кто может остановить эту войну: наверное, это под силу только политикам, высшим кругам. Но я всё равно считаю важным выходить и выражать свою позицию.

## Искандер Габдрахманов

логист, 25 лет

Казань, Республика Татарстан

Интервью записано  
в мае 2022 года



**Я** начал интересоваться политикой, когда учился в университете. Тогда, в 2017 году, вышел фильм Фонда борьбы с коррупцией<sup>37</sup> о премьер-министре России Дмитрие Медведеве. С того момента я начал активно погружаться в происходящее. Раньше, когда я школьником смотрел с родителями новости и видел, например, главу российского Министерства иностранных дел Сергея Лаврова, мне казалось, что это серьёзный мужчина и хороший оратор. Но позднее я стал смотреть всё больше видеороликов на политические темы и начал понимать, что Лавров грубит, ведёт себя на мировой арене максимально некультурно. В январе и апреле 2021 года я выходил на митинги после воз-

---

<sup>37</sup> В марте 2017 года Фонд борьбы с коррупцией Алексея Навального опубликовал фильм-расследование о предполагаемом имуществе на тот момент действующего премьер-министра России Дмитрия Медведева. В фильме утверждается, что Медведев возглавляет многоуровневую коррупционную схему. По мнению авторов, через благотворительные фонды и организации, оформленные на доверенных лиц Медведева, он владеет дорогой недвижимостью, приобретённой на деньги российских олигархов и кредиты Газпромбанка. После выхода фильма в десятках городов России прошли акции протеста с требованием отправить Медведева в отставку.

вращения из Германии и задержания Алексея Навального. Надо сказать, что с возрастом я по-настоящему осмыслил все эти истории.

24 февраля я подумал, что творится какой-то сюр. Меня и в семье, и в школе учили, что любые военные операции — это ненормально, что Россия ни на кого никогда не нападала. И вдруг происходит *это*. Странное чувство, честно говоря. Шок.

После 24 февраля в России начали принимать соответствующие законы, чтобы запугать народ. В самом начале мне, конечно, тоже было страшно выходить на улицу и протестовать. Всем известно, что первые две-три недели людей в разных городах арестовывали, проводили у них обыски из-за того, что они высказались где-то в интернете. Мне и сейчас страшно, но накануне 9 мая я понял: нужно что-то делать. Да, я боюсь — но все бояться. Может быть, мой пример поможет кому-то другому. Кроме того, 9 мая — это, в сущности, день победы над фашизмом. Мне показалось, что это будет символично. Возникло такое *мироощущение*, что нужно действовать. Ведь если прятать голову в песок, проблема не исчезнет. После 24 февраля я, хотя и интересуюсь политикой, но всё равно из-за страха прятал голову в песок. Но проблема-то никуда не делась.

9 мая я вышел в центр Казани с плакатом «Нет войне». Сначала ко мне подошли два молодых человека, попросили убрать плакат, но я отказался. Они сказали, что вызовут полицию. Один остался меня «охранять», второй куда-то ушёл и вернулся с нарядом полиции. Они тоже требовали убрать плакат, после чего попросили пройти с ними. Я не хотел допустить рукопри-

кладства, поэтому согласился на их просьбу. Потом мы поехали в отдел полиции. Я пытаюсь понять, что было не так с этим плакатом, что там такого страшного было написано. Я просто стоял, практически никому не отвечал, ничего не выкрикивал. Позднее суд оштрафовал меня на 30 тысяч рублей за «дискредитацию армии».

Моя мама относится к войне скорее нейтрально, она не осуждает и не поощряет происходящее. А отец хочет вернуть Советский Союз — это страна, в которой он родился, где прошла его молодость, для него это время было прекрасным. Я понимаю его мнение, но в корне с ним не согласен.

Мне кажется, мою позицию поддерживает очень много людей: я это вижу среди молодежи, активных людей, которым небезразлична политика. Просто сейчас они боятся высказывать своё мнение. Но, если кто-то поднимает тему войны, я пытаюсь приводить понятные и простые аргументы, чтобы объяснить свою позицию. Кто-то их принимает, кто-то нет. Что сказать, это их личный выбор. Когда кого-то принуждают к чему-то силой, это всегда будет неэффективно.

Я представить себе не могу, что будет дальше. До 24 февраля я не мог поверить, что такое произойдёт. Склоняюсь к тому, что будет хуже, но, может быть, что-то вдруг изменится. Что касается мыслей об эмиграции... Меня устраивает моя работа, мне нравится то, чем я занимаюсь. Пока я серьёзно не задумывался на эту тему. Я здесь родился, здесь мои родители, родные и близкие, и бросить их я не могу. Но загадывать не буду — в жизни всякое бывает.

**Оксана Асауленко**

журналистка, 45 лет  
Пермь, Пермский край

Интервью записано  
в мае 2022 года



**24** или 25 февраля я написала в соцсетях: «Больной ублюдок всё-таки напал на Украину. Вечный, несмываемый позор. Сегодня зачеркнули наше будущее». В эти дни мне всё стало предельно понятно, и от этих слов я никогда не откажусь. Последние два-три месяца только яснее показали, что это — страшная правда.

Находясь сегодня в России, никто, наверное, не может чувствовать себя по-настоящему свободно, но я всё равно пытаюсь быть свободным человеком даже в этих условиях. Мы видим, что происходит с людьми, которые хотят жить, как в свободной стране: многие попадают под преследование по разным поводам, даже безумным, кто-то вынужден уезжать из России. Я считаю, что с этой тенденцией нужно бороться.

Нам хотят запретить не только высказывать своё мнение. Высказывать, анализировать, писать — это мой профессиональный навык как журналиста. Наверное, я должна забыть, как называть вещи своими именами. Но за свои слова я готова отвечать. Я всё равно буду называть войну войной, а убийство мирных людей и детей — убийством.

Я не смогу жить так, как хотят власти. Все эти последние месяцы я видела, как с людьми происходили страшные вещи: они под страхом выражают солидарность с насильником; кто-то одобряет молча. Мы все здесь, в России, заложники. Но в этой ситуации начинает говорить город. Я иду по улице и вижу, как на асфальте или на стенах написано «Нет войне» или нарисована зачёркнутая буква Z. Мы всё равно будем сопротивляться — всех, наверное, не пересекают, хотя агония может длиться очень долго.

У меня нет желания никуда уезжать. Я наполовину украинка, у меня есть там родственники и друзья: в Одессе и в Запорожье. Несмотря на то, что происходит сейчас там, я понимаю, что мы, россияне, находимся в большей беде в человеческом плане. Там есть народ, есть нация, люди, которые сейчас, обладая меньшими силами, освобождают мир от зла. С одной стороны, я горда, что во мне течёт украинская кровь, а с другой — у меня чувство стыда и ада в душе. Я понимаю, что у них-то всё будет хорошо, а у нас плохо, поэтому мы здесь будем нужнее. Мы все окажемся в ситуации расплаты за эту войну.



## Нурия Мухаметдинова

фем-активистка,  
фрилансерка, 39 лет  
Уфа, Республика Башкортостан

Интервью записано  
в апреле 2022 года



**24** февраля я была в командировке. Мне было очень плохо, во мне сидела мысль, что нужно обязательно что-то сделать. Я понимала, что мне станет легче. Когда я вернулась в Уфу, я нашла союзников, в том числе совсем юных студенток, которым было невыносимо бездействовать. 1 марта мы вышли к Дому дружбы народов с плакатом «Кончайте воевать с Украиной», сфотографировались и даже не успели долго простоять. Акция длилась минут семь: нас вскоре задержали люди без знаков отличия.

В полиции меня допрашивал сотрудник Центра по борьбе с экстремизмом. Наверное, мне не повезло больше всех, потому что лишь у меня изъяли телефон. Мне угрожали, что применят силу, найдут способы, как отнять его у меня. На меня давили и кричали. В принудительном порядке у всех нас взяли отпечатки пальцев и составили более-менее однотипные протоколы об участии в несогласованной акции.

В суде не все из нас даже получили возможность себя защищать. Некоторых девушек просто не пустили на заседание и позднее сообщили, что они оштрафованы. Меня признали «участницей несанкционированного

пикета» и присудили штраф на пять тысяч больше, чем всем остальным<sup>38</sup>. Видимо, я им чем-то особенно не понравилась.

У акции был эффект. Во-первых, мне стало лучше морально. Я чувствовала, что совершила то, что не противоречит моей совести, что-то правильное. Каждый из нас является для кого-то ролевой моделью, и люди видят: она не боится, она выходит и высказывает свою позицию. И если Нурия не боится, то почему бы мне тоже что-нибудь не сделать? Может быть, наша акция не имела массового эффекта, но сыграла свою роль.

Всё происходящее просто ужасно. Я иногда просыпаюсь и думаю: «Что?! Мы воюем с Украиной?» Я уже думала, что прошла все стадии: и отрицание, и гнев, и торг. Но до стадии принятия я дойти не могу. Я нахожусь в глубочайшей депрессии, всё это у меня просто не укладывается в голове, это кошмар.

Первое, что я подумала, когда всё началось: «Надо валить». Это самая логичная реакция: мне есть что терять. С другой стороны, я не знаю, в какое еще время общественный активизм был так необходим и востребован, как сейчас. Когда еще мы могли так открыто на что-то повлиять и изменить мнение людей? Да, это в каком-то смысле суицидальная позиция. Увеличивается количество доносов, мы как будто живем в книжке про 1937 год или в романе Ремарка. Тем не менее я оптимистка и считаю, что нужно оставаться в России — по крайней мере, пока нет реальной угрозы.

---

<sup>38</sup> Суд апелляционной инстанции снизил штраф с 15 тысяч до 10 тысяч рублей.

## Вадим Хрущёв

студент, 21 год

Казань, Республика Татарстан

Интервью записано  
в марте 2022 года



**Я** выходил на акцию протеста 24 февраля. Тогда я не имел возможности подготовиться: у меня не было ни плакатов, вообще ничего. Вторжение началось так неожиданно, что я понял: нужно выйти на улицу выразить свою позицию — и просто резко «сорвался».

Позднее я увидел, что студенты всех вузов России, от Москвы и Санкт-Петербурга до Екатеринбурга, собирают подписи против вторжения в Украину и пишут письма протеста. Сначала я подумал, что и сам бы хотел подписать подобное письмо от имени Казанского федерального университета, но оказалось, что такого письма нет. Я решил сам его написать, потому что знал, сколько в нашем университете людей, которые против этой войны. Я хотел, чтобы они видели, что они не одни, что мы вместе — и нас много. В обращении говорилось: «Война затронет все стороны жизни, в том числе сферу науки и образования. Свободная наука и академическая деятельность не сочетаются с кровопролитием и страданиями. Становясь агрессором и продолжая военные действия в соседней суверенной стране, наша страна становится изгоем и обрекает себя на изоляцию».

Я думаю, подписей преподавателей будет меньше, чем студентов. Это очевидно, потому что многие из них боятся больше, чем учащиеся. Преподаватели вряд ли состоят в студенческих чатах, к ним нужно искать особый путь, чтобы они увидели письмо и решились написать.

Среди моих преподавателей никогда не было «ура-патриотов», которые призывали бы идти на фронт и защищать Украину от нацистов. Я очень люблю мою кафедру Всемирного культурного наследия, потому что все преподаватели там вполне свободомыслящие. Они не боятся говорить на политические, социальные и другие темы. Украину на занятиях мы не обсуждали, но в целом мне нравится атмосфера, которая царит у нас на кафедре. Возможно, преподаватели с других кафедр рассказывают о необходимости российского вторжения, но лично я с этим не сталкивался.

Я очень жду подписей преподавателей, это очень важно. Если чиновники могут сказать о студентах, что мы — глупые дети и, мол, не понимаем, что происходит в мире, то про преподавателей, профессоров, доцентов и кандидатов наук ни у кого язык не повернется так сказать. Если у нас будут их подписи, то вес нашего письма резко увеличится.

После публикации обращения ожидать можно чего угодно. Я точно знаю, что учусь хорошо, и если кому-то в голову придёт меня отчислить, то им придётся сильно постараться, чтобы найти для этого причину. Когда я писал это письмо, я осознавал, к каким последствиям это может привести, и с уверенностью могу сказать, что готов к ним.

Как и многие люди, моя семья просто не понимает, что происходит. Сильно действует пропаганда. Даже когда ты приводишь аргументы, у них всегда находится что противопоставить. С этим очень трудно бороться, однако я медленно, но верно стараюсь это делать: привожу факты, пытаюсь доказать, не ругаясь. Я никому не советую сейчас ругаться со своими родителями, время очень трудное, и нам всем надо держаться вместе. Родители — это единственные люди, которые тебя никогда не бросят и по-настоящему любят.

Я понимаю, что не получится по щелчку пальцев изменить ситуацию, закончить войну, вывести войска только благодаря нашему письму. Но главная цель, которую оно преследует, — привлечение внимания к проблеме руководителей университета, Татарстана и, главное, выражение отношения студентов к происходящему. Я хочу, чтобы все студенты, которые против этой войны, узнали, как нас много. Чем крепче мы будем держаться друг за друга, тем сложнее будет эту цепь разорвать<sup>39</sup>.

---

<sup>39</sup> Спустя несколько дней после обнаружения антивоенного письма Вадим Хрущёв приостановил сбор подписей из-за принятого закона о «фейках» о российской армии. Некоторые студенты, подписавшие письмо, сообщили о звонках из университета, в ходе которых им грозили уголовной ответственностью. Хрущёв принял решение возобновить сбор подписей. 17 марта в квартире студента прошёл обыск: у него изъяли телефон, но отвечать на вопросы следователей он отказался, сославшись на право не свидетельствовать против себя.

## Сергей Марьин

правозащитник, 66 лет

Саранск, Республика Мордовия

Интервью записано  
в июле 2022 года



**Р**азумом я понимал, что Путин может начать военные действия. Для меня известие о вводе войск на территорию Украины пережить эмоционально было тяжело. Я не понимал, как это может происходить, не верил сначала: думал, что это глупая шутка.

У меня дед погиб под Ленинградом зимой 1943 года, отец рос сиротой. Еще в детстве я читал книгу томского писателя Владимира Колыхалова «Дикие побег»<sup>40</sup> — мне кажется, в ней описана жизнь моего отца в детстве, там очень много совпадений. Мне бы не хотелось, чтобы другие люди оказывались в такой ситуации. И это происходило в тылу, а что было на линии столкновения войск... Мы же смотрели кинохронику, когда пикирующие самолёты расстреливали колонны беженцев, дома рушились под бомбами. Для меня война — это самое последнее дело.

В моём окружении нет ни одного сторонника войны, а вот тех, кто поддерживает операцию в Украине в за-

---

<sup>40</sup> В романе показано становление гражданина, процесс формирования советского человека и объективная картина жизни послевоенной Сибири.

щиту Донбасса, хоть отбавляй. При этом все понимают, что за высказывания против «спецоперации» можно попасть в неприятную ситуацию. Власть заставляет народ молчать или говорить о поддержке, она начала «загонять в угол» несогласных. Я как правозащитник являюсь одной из первых целей<sup>41</sup>. Когда я пишу в интернете, то прекрасно понимаю, что мне грозит. Независимые люди — главная угроза для нынешней власти.

На суде по своему делу я сказал, что моё привлечение к суду за комментарии в интернете является нарушением Конституции России. Напомнил, что после фашистской Германии остались тонны документов, по которым потом судили не только главарей Германии, но и простых судей. А судья — моя старая знакомая. Она давно уже в угоду властям выносит по моим делам не вполне правовые решения. Своё мнение я продолжу высказывать, буду выходить на одиночные пикеты, но по дождю до осени. Штраф в 40 тысяч рублей я платить не буду — мне просто не из чего, у меня пенсия 12 тысяч.

Лично я не собираюсь уезжать из России. Я больше принесу пользы обществу своим присутствием здесь. Как я говорил раньше, буду демонстрировать флаг, правозащитный флаг.

---

<sup>41</sup> 30 июня 2022 года Октябрьский районный суд Саранска признал Марьяна виновным в «дискредитации армии» и оштрафовал его на 40 тысяч рублей. Ему вменили публикацию в социальной сети, в которой он заявил, что «российские войска <...> убивают мирных людей».

## Артур Аблатыпов

самозанятый, 32 года

Уфа, Республика Башкортостан

Интервью записано  
в мае 2022 года



**Я** вышел на антивоенный пикет, потому что не боюсь произносить запрещённое слово «война». То, что происходит в Украине, с применением тяжёлого вооружения, боевой техники, большими человеческими потерями, нельзя назвать «спецоперацией». В нашем государстве постоянно происходит подмена понятий: оно всегда находит «сленг», который искажает масштабы происходящего. Это нацелено на людей, которые каждый день смотрят телевизор и всё послушно впитывают.

Моя мама была такой: каждый день она смотрела телевизор. Общение с ней и родителями жены стало для меня переломным моментом. Я слушал их прогосударственную позицию и понимал, что должен что-то сделать. Мне хотелось показать, что не все поддерживают войну. К тому же я видел, что в Уфе на пикеты выходит не так много людей, как в Москве или в Санкт-Петербурге. Здесь нет массовых антивоенных акций, оппозиционных политиков, как в Москве. Тем не менее людей, выходящих на улицу, чтобы выразить свою точку зрения, задерживают. И мне захотелось стать одним из



этих людей, примкнуть к ним, показать, что я разделяю их мнение.

Больше 10 лет я работал в «Башнефти»<sup>42</sup>, но год назад уволился, когда там началась принудительная вакцинация, с которой я не был согласен. На работе никто не говорил о политике, потому что о таких разговорах сразу узнавало начальство и начинало вести с работниками профилактические беседы. Тогда мне было что терять. Когда ты работаешь на госпредприятии, то каждый день делаешь одни и те же вещи, подчиняясь сложившемуся режиму, — и тебе страшно сделать что-то, что нарушит эту постоянность и монотонность. Не хочется тратить свои нервные клетки и выходить из зоны комфорта. Для меня это был ограничитель, поэтому ни в каких публичных акциях я раньше не участвовал.

После увольнения я почувствовал себя свободнее и стал интересоваться политикой, оппозиционными движениями. У меня произошло отрезвление. В 2021 году я ходил на митинги в поддержку Алексея Навального, но меня не задерживали; конечно, я этого и не хотел, так как боялся попасть в полицейские базы. После увольнения у меня не получилось найти достойную работу — и сейчас я понимаю, что в «Башнефть» вернуться уже не смогу, потому что после участия в антивоенном пикете не пройду проверку службы безопасности.

25 апреля я вышел на пикет. Никакой сверхоригинальной надписи на плакате у меня не было, я написал:

---

<sup>42</sup> Российская нефтяная компания. Её главный офис находится в Уфе. С 2016 года основным акционером компании является государственная нефтяная компания «Роснефть».

«Нет войне». Происходят боевые действия, это война, и я против неё, я пацифист. Для меня неприемлемы военные действия, физическое насилие. Если, к примеру, происходит конфликт между двумя людьми, я считаю, что драка — последнее, чем можно его разрешить. Всегда есть точки соприкосновения, какая бы ни была конфронтация. И компромисс можно найти не только между двумя людьми, но и между группами людей и государствами. Всё решается, вопрос только в том, насколько много было приложено усилий, чтобы мирно уладить конфликт.

Если честно, мне было страшно выходить. Я мужчина, но я не могу сказать, что это не вызывало во мне волнения. Когда стоишь минут десять, начинаешь привыкать: ничего не происходит, и кажется, что уже не произойдёт. Люди проходили мимо, смотрели, молодежь часто выражала поддержку, но были и те, кто не разделял мою позицию. Я, конечно, понимал, что меня задержат, что полицейские будут давить, но я не ожидал такого количества полицейских автомобилей, такого «праздника» с мигалками. Я не собирался сопротивляться, но меня взяли под руки и отвели в машину. Было ощущение, что полицейские провоцировали меня и хотели вывести из равновесия. Спросили, есть ли у меня колюще-режущие предметы и наркотики, хотя я не выглядел как преступник. Когда я начал выходить из машины по их приказу, они закричали: «Без резких движений! Сейчас наденем на тебя наручники! Даже не пытайся бежать!» — хотя я и не собирался.

Меня задержали вместе с женой, которая снимала пикет на телефон, с одним знакомым и ещё девушкой,

Ляйсан Султангареевой, которая тоже стояла в пикете. Нас доставили в отдел полиции №7. Протоколы «о дискредитации армии» составили на меня<sup>43</sup> и на Ляйсан, а жене и знакомому выдали предупреждение. Для супруги случившееся стало большим шоком, в отделении у нее поднялось давление. Полицейские спрашивали меня: «Кто вам платит? С чего вы взяли, что идёт война? Вы видели, что у нас есть военное положение? Есть ли у вас связи с Украиной?» Они «пробивали» меня по базе данных и очень удивлялись, что в свои 32 года я ни разу не привлекался к административной ответственности. Когда составляли протокол, мне сказали: «Сейчас административка, в следующий раз — сядешь». Говорили, что, мол, вы тут хернёй занимаетесь, а наши ребята там с нацистами воюют, что надо сплотиться. Они создают такую атмосферу, в которой ты должен почувствовать, будто предал родину.

После пикета родители супруги стали за меня переживать, у них появился страх, они стали думать, что теперь со мной будет. Говорили мне, чтобы я больше этим не занимался и не интересовался. Но мама стала разделять мою позицию. Я предложил ей перестать смотреть государственные российские телеканалы. Сначала она противилась, потому что ты привыкаешь постоянно испытывать напряжение из-за того, что тебе показывают на этих каналах. Когда из твоей жизни это исчезает, у тебя появляется ощущение пустоты. Но когда тебе говорят о «радиоактивном пепле»<sup>44</sup> так же обыденно,

---

<sup>43</sup> Аблатыпова оштрафовали на 30 тысяч рублей по статье о «дискредитации армии».

как о покупке картошки, — это ненормально. У мамы кабельное телевидение, поэтому в рекомендациях на телевизоре я установил каналы без пропаганды, не вызывающие стресс: о путешествиях, природе, научно-познавательные. Это не сразу подействовало, но спустя примерно месяц я увидел, что изменения начались.

Моя супруга раньше меня тоже не поддерживала. Когда началась война, у нас в семье возникли разногласия. Она не видела смысла разговаривать о войне, говорила, что у нас есть более важные дела, которыми нужно заниматься: забота о семье, зарабатывание денег. Но я разговаривал с ней, и мое каждодневное семейно-оппозиционное влияние дало результаты. Она была нейтральна, а теперь стала больше придерживаться моей позиции.

---

<sup>44</sup> В марте 2014 года ведущий программы «Вести недели» на телеканале «Россия-1» Дмитрий Киселёв заявил, что Россия — единственная страна, способная превратить США в «радиоактивный пепел».

## Максим Супрун

программист, 32 года

Чебоксары, Республика Чувашия

Интервью записано  
в июле 2022 года



**Я** работаю программистом и придерживаюсь оппозиционных взглядов уже лет десять. Я не одобряю действия нашей власти, но не считаю себя активистом и нечасто выражаю своё мнение активными действиями — например, пикетами или митингами.

Само 24 февраля я уже точно не помню: в тот день у меня было много дел, я усердно работал. Реакция пришла через несколько дней, когда появилось время почитать новости. Я задавал себе вопрос: «А это вообще серьёзно?» Я до последнего не верил. Было чувство полной нереальности.

Сейчас я боюсь, но страх появился, когда ко мне пришли с обыском, когда я стал свидетелем по уголовному делу о ложном минировании<sup>45</sup> и когда на меня составили протоколы<sup>46</sup>. Но даже тогда я понимал, что людям в Украине сейчас намного тяжелее. И тогда мой страх уходил на второй план.

---

<sup>45</sup> 5 мая у программиста прошли обыски по делу о заведомо ложном сообщении об акте терроризма.

<sup>46</sup> Максима Супруна суд дважды оштрафовал на общую сумму 65 тысяч рублей за «дискредитацию армии» из-за постов в социальных сетях.

Как ни прискорбно это признавать, но репрессии стали для нас обыденностью. С другой стороны, это плохо и для власти, ведь она проводит репрессии, чтобы напугать людей, — а когда тебе каждый день рассказывают в новостях, что кого-то задержали, к кому-то пришли с обысками, на кого-то завели дело, то страха репрессий уже нет. Но, по большому счёту, я считаю, что люди к страху привыкать не должны.

В моём окружении раньше были люди, которые поддерживают войну в Украине, но я перестал с ними общаться. Разговаривать с ними смысла нет, это лишняя трата времени: их не переубедить. Смысл есть говорить с теми, кто находится в сомнениях, или с теми, кто не так ярко поддерживает то, что говорят наши власти.

В ближайшее время я не буду продолжать выражать свою антивоенную позицию: для меня это слишком опасно. Мне уже выписали два штрафа по статье о «дискредитации армии». Кроме того, я прохожу свидетелем по уголовному делу о ложном минировании.

Если говорить о будущем, то нашу страну ждут большие потрясения в экономическом плане. Даже на своём примере я вижу, что продуктовая корзина нехило подорожала, пришлось заметно сократить расходы. Санкции коснутся каждого человека, даже если кто-то пока не ощущает их последствий. Я думаю, что режим Путина рухнет, но Россия при этом перестанет существовать в том виде, в каком мы привыкли её видеть.

## Евгений Прокин

интернет-маркетолог, 26 лет

Пермь, Пермский край

Интервью записано  
в августе 2022 года



**Н**аша семья в первые дни войны испытала огромный спектр негативных эмоций. Мы с супругой сначала просто не хотели верить в происходящее. Так получилось, что именно 24 февраля я проснулся довольно рано и увидел в интернете первые посты о вторжении и бомбежках в Украине. Мы надеялись, что это чья-то шутка, но о каких шутках тут вообще можно говорить. С первых дней войны и даже сейчас мы испытываем чувство тревоги. Не знаю, как остальные люди, но для нас очень сложно ощущать себя в спокойствии, когда наша страна превратилась в страну-террориста.

Как вообще можно относиться к любой войне? Война — это всегда трагедия и катастрофа для всех участников. Не бывает войн во благо. Поэтому мы категорически против этого безумия.

30 апреля я вышел на пикет с плакатом «Нам пропагандой мозги не промыть, там тоже люди, такие же, как мы». Как можно молчать? Понятно, что это ничего не изменит, но, пока я стоял, люди мне кивали, махали, кто-то даже подходил и благодарил, потому что они сами боятся говорить открыто. Я вышел хотя бы для того, чтобы показать людям, что они не одни.

Меня задержали полицейские. Понятно, что этим никого не удивить: задерживают практически всех и с любыми лозунгами или требованиями. Задержали по факту ни за что: за придуманную каким-то клоуном статью, противоречащую Конституции. В самом отделении полиции я уже понял, что со мной заранее всё решено, поэтому не стал пререкаться с сотрудниками; они спокойно оформили протокол за «дискредитацию армии»<sup>47</sup>. Хотя задержание и было незаконным, но обращались со мной вежливо.

Я боялся выходить на пикет — мне до сих пор страшно, но, как это часто бывает, глаза боятся, а руки делают. По большей части страшно не за себя самого, а за близких, у которых могут быть проблемы. Хотелось бы сделать больше, но я не имею права ставить родных под угрозу.

Суды у нас не работают. На каждом заседании было ощущение, что судебной системе на тебя абсолютно плевать. Вот им сказали делать так — они и делают. Так что это не суд и говорить о нём нечего, по крайней мере, приличных слов для описания точно нет.

У меня нет родителей, я рос с бабушкой. К сожалению, она подвержена пропаганде. Меня поддерживает моя жена, мы с ней разделяем одинаковую позицию. Друзей у меня не так много. Так сложилось, что всем им отвратительна война и власть. Да и среди моих знакомых нет тех, кто бы поддерживал войну. И я уверен, что таких людей очень много.

---

<sup>47</sup> Суд оштрафовал Прокина на 30 тысяч рублей по статье о «дискредитации армии».



Очевидно, что в будущем Россию не ждёт ничего хорошего. Я думаю, будут и дальше закручивать гайки — хотя, казалось бы, куда дальше. Мне кажется, начнет нарастать недовольство и напряжение в национальных республиках, среди малых народностей. Очевидно, что годы угнетения по отношению к этим народам и ухудшение качества жизни в глубинках вызовут соответствующий эффект. В общем плане повсеместно будет ухудшение качества жизни. Пока мы не изменим себя самих и свою власть, ничего не поменяется.

Мы для себя решили, что уедем за границу. Можно сколько угодно рассуждать о том, что кто-то же должен спасать всех нас, кто-то же должен что-то делать — но как делать, если со всех сторон доносы, репрессии, штрафы, аресты и давление? Когда всю оппозицию выкосили, когда все те, кто мог бы сопротивляться, уехали. Мы хотим помочь своей стране, но мы не можем этого сделать, пока у власти неадекватные люди.

Антивоенные акции я хочу проводить и дальше, но, повторюсь, я считаю, что не имею права ставить под угрозу своих близких. Поэтому я буду выходить на одиночные пикеты, но уже за пределами России.

## Ричард Роуз

фотограф, активист, 37 лет  
Киров, Кировская область

Интервью записано  
в мае и июле 2022 года



**О** начале войны я узнал утром 24 февраля. Сначала я не поверил, начал проверять в интернете — и убедился, что это правда. Я был шокирован и не мог сдержать слёз. Я знал, что рано или поздно это случится, но всё же для меня случившееся стало большим ударом. Я до последнего надеялся, что это ошибка. Я стал думать, чем я могу помочь простым украинцам и молодым парням, которых кинули в пекло. По этой причине я стал вести информационную войну в Instagram. Первый пост я опубликовал в тот же день.

Вечером 14 апреля я пошёл встречать жену с работы. Около пиццерии остановился микроавтобус «Газель», из него выскочили вооружённые бойцы, повалили меня на землю и стали бить дубинкой по ногам. Они говорили: «Лежать! ФСБ!» Меня заковали в наручники и бросили на пол машины. Минуты через две-три машина остановилась у аптеки, где они задержали мою жену.

Нас привезли в Управление ФСБ по Кировской области и развели по кабинетам. У меня забрали телефон, сотрудники требовали назвать пароль, но я отказался. Мне стали угрожать избиением жены, тем, что заберут

ребёнка и отдадут его в детский дом. Тогда я испугался и назвал пароль. Меня продержали в здании ФСБ до полуночи, а потом отвезли в Следственный комитет, где сообщили о возбуждении уголовного дела<sup>48</sup>.

Допрос проходил цивилизованно, следователь общался со мной вежливо, у меня был адвокат по назначению<sup>49</sup>. В его присутствии изъяли мой телефон, который в ФСБ мне сунули обратно в карман перед поездкой в СК. Позднее суд избрал мне меру пресечения в виде заключения под стражу. Сотрудники следственного изолятора относятся ко мне нейтрально, интересуются моими политическими взглядами, иногда я отвечаю. Некоторые удивляются, что за такое сажают.

Я не жалею, что опубликовал тот пост в Instagram. К сожалению, говорить правду в России всегда было опасно, а сейчас тем более. Я сожалею, что пострадала моя жена. Мне страшно, что всё может закончиться глобальной войной. Очень страшно за семью.

До начала войны я ещё верил, что разум людей возьмёт верх и они не позволят напасть на Украину. Я обманывал себя; возможно, это была защитная психологическая реакция. После начала войны сломались даже люди одних со мной убеждений. Точнее, они сбросили маски.

---

<sup>48</sup> Ричарда Роуза обвиняют в распространении «фейков об армии» из-за размещения видеоролика об убийстве мирных граждан в городе Буча Киевской области Украины, «содержащего заведомо ложные сведения о целях, задачах и порядке проведения специальной военной операции на территории Украины». Обвинения в распространении «фейков» предъявлены и супруге Роуза, Марии. В апреле 2022 года суд избрал Ричарду Роузу меру пресечения в виде заключения под стражу. Его жене запретили в ночное время выходить из дома, а также пользоваться интернетом и телефоном.

<sup>49</sup> Адвокат, которого бесплатно предоставляет государство.

От некоторых я услышал: «Так это было неизбежно! Скоро мы победим, и всё будет хорошо». Я цепенею, слыша такое. Как можно говорить, что «так было надо»? Как — надо? Чтобы гибли мирные люди, разрушались города, чтобы в XXI веке брат шёл на брата? Пусть не на брата, если это кому-то режет слух, но как минимум на соседа, такого же человека.

В то же время я горжусь теми, кто выступает против войны. Я желаю вам здоровья, счастья и, конечно, желаю сохранить свободу — ценность, которая дана вам от рождения. Боритесь — и вы победите. Это касается всех, кто сейчас сражается за свои идеалы, свободу, независимость и демократию.

Негативное отношение к войне у меня было всегда. Еще в 2014 году я осуждал действия России, которая в лице Владимира Путина ведёт себя как страна-агрессор. Он крушит Украину за её свободолюбие и непокорность. Если рядом будет пример свободной и независимой Украины, режиму Путина не устоять. Самое главное, чтобы у сильных мира сего хватило влияния не допустить глобальной войны.

Погибших людей уже не вернуть. России в нынешнем виде скоро придёт конец: кризисы, коррупция, война, бедность и репрессии приведут к краху. Если у вас есть возможность уехать из страны хотя бы временно, то уезжайте и потом не говорите, что я вас не предупреждал. Спасайтесь и спасайте своих близких, родных и друзей.

## Файруза Канафиева

предпринимательница, 40 лет  
Альметьевск,  
Республика Татарстан

Интервью записано  
в августе 2022 года



**У** меня много друзей в Украине, это мои давние и близкие друзья: у кого-то сейчас разрушен дом, кто-то стал беженцем. То, что происходит, и для них, и для меня очень страшные вещи. Мои близкие — в аду. Я боялась, что они перестанут со мной разговаривать, но этого не случилось. Они понимают, что в России преследуют людей, которые думают иначе, им угрожают штрафами и тюрьмой. Я не могу сидеть спокойно и молчать, это было бы предательством по отношению к себе. Я уверена, что пройдёт время и люди поймут, какое зло творят российские власти. Это преступление против человечества.

Знаете, 8 лет назад я переживала за ЛНР и ДНР. Думала: почему же их тоже не присоединят к России, как Крым, почему их не признают «независимыми»? Потом я задумалась, что до 2014 года там был мир и порядок. Я много читала, общалась с друзьями в Украине, нашла журналистские расследования. После сбитого самолёта<sup>50</sup> и экспертиз я поняла, в чём дело и к чему всё идёт.

12 августа я вышла из дома за кормом для собак, и тут мне позвонил папа и сказал: «Тебя ищет полиция».

Я удивилась и даже не думала, что это может быть связано с моими постами в сети «ВКонтакте». Полицейские пришли к родителям — видимо, они думали, что я живу с ними, но это не так. Затем двое сотрудников приехали уже ко мне и сказали, что должны меня допросить и «нужно поехать с ними». Я подумала, что всё равно они увезут меня силой, кроме того, мне не хотелось сцен на улице — и я поехала.

В полиции мне показали мою страницу в сети «ВКонтакте», спросили, принадлежит ли она мне. Полицейские показали отдельные посты и спросили, почему я их написала. В одном из них была картина художника Василия Верещагина «Апофеоз войны». От себя я добавила слова «Нет войне». Был ещё репост про Всемирный конгресс татар. Это было не моё мнение, но я с ним полностью согласна (*в публикации правительство Татарстана в изгнании призывает не подписывать резолюцию Всемирного конгресса татар, в котором последний поддерживает вторжение России в Украину — прим.*).

---

<sup>50</sup> Boeing 777 авиакомпании Malaysia Airlines, выполнявший рейс Амстердам — Куала-Лумпур, был сбит в небе над Донбассом 17 июля 2014 года. Погибли 298 человек. Все вовлечённые в конфликт на востоке Украины стороны отрицают свою причастность к трагедии.

Совет по безопасности Нидерландов и международная Объединенная следственная группа (JIT), на которых была возложена ответственность за расследование трагедии, пришли к выводу, что авиалайнер был сбит ракетой класса «земля-воздух» из зенитно-ракетного комплекса «Бук» с территории, контролируемой силами ДНР. Согласно выводам JIT, данный «Бук» принадлежал 53-й бригаде ПВО ВС России и был доставлен в Украину из России в день катастрофы, а после запуска ракеты, сбившей самолёт, был возвращён обратно на российскую территорию. 23 июня 2022 года по итогам, подведённым ПАСЕ, «наиболее убедительный сценарий на сегодня выглядит так, что самолёт МН17 был сбит российским «Буком»».

Минобороны России и другие официальные лица РФ публично отвергают выводы расследования и отрицают какую-либо причастность к катастрофе.

Полиция посчитала всё это «дискредитацией Вооружённых Сил России». Я себя преступником не считаю, поэтому в протоколе написала, что не согласна с обвинениями. Я поинтересовалась у полицейских, навредила ли я кому-то своими постами? Они ответили: «нет» — и добавили, что никто на меня не доносил, они нашли мои посты по хештегам.

В полиции я провела три часа. На меня составили протокол, и в тот же день направили дело в суд. Заседание хотели назначить на следующий день, но я сказала, что не приду, поскольку не успею найти адвоката. Процесс перенесли на 15 августа. Я пришла, но меня «развернули», сказав, что «протокол составлен неверно» и его вернули в полицию. Когда состоится следующее заседание, мне не сказали.

Это был мой первый опыт общения с полицейскими. Меня, видимо, хотели напугать, но им это не удалось. Я не понимаю, чего я должна бояться. В моих словах нет никакой дискредитации. С самого детства нас учили, что больше не должно быть войны. Каждое 9 мая мы выступали против войны. Я тоже говорю, что не хочу войны. И за это против меня открывают дело? Я всё равно права! Когда полицейские довели меня до дома, я им сказала: «Слушайте, вы не слишком стараетесь? Разве это серьёзное для вас дело? Столько настоящих преступников вокруг. Настанут времена, когда нас реабилитируют, признают жертвами, а вы станете преступниками». Они ответили: «Всё возможно».

Из-за моей позиции я поругалась с родителями. Они жертвы российской пропаганды, разговаривают цитатами Путина из телевизора. Мы поругались ещё

в начале марта, не разговаривали три месяца, но, слава богу, сейчас стало получше. Они тоже понимают, что арестовывать людей, которые выступают против войны, — полный абсурд. Мама просит ничего не писать, говорит: «Мы тоже это понимаем, но мы люди маленькие, ничего поделать не можем». Однако я считаю, что не защищать правду — это преступление. Вины у тех и тех, кто молчит. Люди боятся: кто-то — остаться без работы, другие — что отнимут детей, у кого-то нет денег на штраф. Кто сможет заплатить штраф в 40 тысяч рублей при зарплате в 25 тысяч? Поэтому и молчат. Меня многие поддерживают, просят не писать открыто, дают советы, говорят, что солидарны со мной. Москвичи пишут, что не смогли бы поступить так, как я. Я хочу, чтобы люди меня услышали и начали мыслить логически.

Некоторые сейчас гордятся тем, что в комментариях на моей странице в сети «ВКонтакте» грозят мне доносом или штрафом. Меня это удивляет. Они гордятся тем, что на самом деле позорно. В интернете так много мошенников, вымогающих деньги, занимающихся порнографией, склоняющих подростков к суицидам. В первую очередь, наверное, необходимо привлекать к ответственности и останавливать именно таких людей, но им не жалко времени сидеть и следить за тем, кто что думает о войне в Украине.

Еще одна причина происходящего — материальное положение. Люди в основном живут в бедности, поэтому не видят смысла в жизни. Цены растут, многие еле-еле сводят концы с концами. И вдруг, написав донос, такой человек начинает чувствовать себя хозяином,



думает, что может на что-то повлиять. Я не оправдываю этих людей, а пытаюсь понять. Это показатель деградации нашего общества. Разве я могла себе представить лет десять назад, что жители моего города в ответ на мои пожелания о скорейшем прекращении войны скажут: «Я посажу тебя»? Мне, матери троих детей! Всё же вроде было хорошо — но, как оказалось, хорошо было только снаружи. Мы живём в государстве, где у нас нет никакого права выразить своё мнение. Люди жестоки друг к другу. Гомофобия и ксенофобия — обычные явления. Мы все живём в больном обществе.

Еще больше расстраивает то, что войну поддерживают женщины, матери. Каждый погибший солдат — это чей-то сын, внук, супруг. Женщины должны первыми сказать «нет» этой войне. Никто не должен умирать, тем более на войне, но история почему-то нас не учит. На самом деле нам никто так и не объяснил, насколько было чудовищно то, что творилось в стране в 1930-е годы. Сколько времени на уроках вы посвятили событиям тех лет, истории ГУЛАГа? Кто-то объяснил нам причины? Нет. Поэтому это и повторяется снова.

Мне сейчас представляется Германия в самом начале фашизма. Я каждый раз думаю: в то время в Германии тоже жили женщины, у которых были дети. Представляю себе, что они думали, что делали. Невозможно же было не понимать, к чему всё это ведёт. В то время были и немцы, которые выступали против войны; наверное, они тоже боялись и переживали. Я чувствую себя сейчас точно в таком же положении, именно поэтому я пытаюсь всё это остановить.

Мне очень жаль всех погибших с той и другой сто-

роны. Это же дети 20–22 лет, им надо было учиться, жениться и заводить детей, но они не успели. Кто виноват? Государство, которое посылает их на смерть. Мне есть что терять: у меня трое детей. У старшего сына уже своя семья; двое несовершеннолетних, я их воспитываю одна. Верю, что со временем всё будет хорошо. Как минимум мне не будет стыдно перед детьми и внуками: я скажу, что хотя бы пыталась. Главное, что моя совесть будет чиста.

Ещё весной я попросила учителей не вовлекать моих детей ни в какие мероприятия военного содержания, такие как «письма военным» или фестивали патриотических песен. Ребенок в школе должен учиться и получать знания. Я не хочу, чтобы они стали жертвами пропаганды. Я много говорю с детьми о войне против фашизма, о защите родины; мы вместе смотрим и анализируем военные фильмы. Я не переживаю за детей. Они другие.

Никто не должен участвовать в этой войне. Жители Татарстана идут на войну по контракту, за деньги. Это означает, что слова о стабильности и процветании республики — красивая обёртка. Почему после срочной службы ребята не возвращаются домой, а остаются воевать? Потому что дома у них нет ни денег, ни квартиры. Они остаются в армии, чтобы заработать. Кому хорошо живётся в Альметьевске? Только менеджерам «Татнефти»<sup>51</sup>. Средняя зарплата в городе составляет 25 тысяч рублей. Татары постарше работают с утра до ночи, держат скот, но молодёжь так жить не хочет.

---

<sup>51</sup> Российская нефтяная компания со штаб-квартирой в Альметьевске.

А что такое «национальные батальоны»?<sup>52</sup> Как это понимать? Это же означает отправка и без того малочисленных народов на смерть. Очень жаль и татар, и башкиров, и бурят. У них не останется мужчин для создания семей, а женщины, мечтающие выйти замуж и родить детей, будут одинокими. Если бы не война, всё могло быть иначе.

Я не знаю, как и когда закончится война. Цивилизованные государства помогают Украине и поддерживают её. Россия остается в изоляции. Те, кто смотрит телевизор, думают, что сила на нашей стороне, но со временем будет всё меньше денег и продуктов в холодильнике. Я верю, что люди начнут задавать вопросы. Надеюсь, они начнут спрашивать: «Почему началась война, почему умирают люди?» Хочется, чтобы это время настало как можно быстрее. Я не могу себе даже представить, что произойдёт, если это затянется на несколько лет. Я устала от этого ада.

---

<sup>52</sup> В начале лета 2022 года десятки регионов России заявили о наборе добровольцев для прохождения контрактной службы в именных батальонах. Их отправляют на войну в Украину. В национальных республиках стали набирать людей в батальоны, которые называются либо на национальных языках, либо именами местных известных воинов. Так, в Татарстане они называются «Тимер» (с татарского «железный») и «Алга» (с татарского «вперёд»), а в Марий Эл — «Иден» (богатырь Иден, согласно легендам, помог марийцам спастись от набегов кочевников с юга в Средние века), «Полтыш» (князь Полтыш возглавлял луговых мари в борьбе с Иваном Грозным) и «Акпатыр» (марийский национальный герой, основатель первой марийской деревни и держатель марийской веры, живший в XVI веке).

Эксперты называют создание таких именных батальонов скрытой мобилизацией.

## Владимир Авдонин

психиатр-нарколог, активист,  
30 лет  
Самара, Самарская область

Интервью записано  
в мае 2022 года



**В** конце февраля я был очень глубоко погружён в работу, в ремонт квартиры и в другие бытовые дела. Новость о начале войны застала меня врасплох. Сначала у меня был кратковременный шок, за которым сразу же последовало понимание, что нужно действовать, что молчать нельзя, потому что мы все — граждане России — несём ответственность за происходящее. В тот же день я начал готовиться к одиночному пикетированию — и на следующий день вышел.

На том пикете полицейские отказались мне представляться. Плакат у меня забрали, но сказали, что никто меня не задерживает. Протестовать нужно, потому что, просто согласно Конституции России, источником власти в стране является народ. Нравится нам это или нет, мы все несём ответственность за политику, которую проводит государство. Если ты ничего не делаешь и молчишь, то становишься соучастником преступления. А я не собираюсь становиться соучастником путинских преступлений и считаю, что после всего того, что я делал на протяжении последних десяти лет, нужно оставаться в стране и продолжать заявлять о своей позиции.

Люди в Самаре перестали выходить на акции, потому что их запугали. Причём дело не только в прямых

угрозах режима — ему удалось осуществить то, что в психоанализе называется «обесцениванием». Режим внушил массам идею бессмысленности публичных выступлений, идею того, что они не приведут ни к чему, кроме новых репрессий. Все мои друзья, которые покинули страну, говорят, что и мне нужно уезжать, а у меня даже загранпаспорта сейчас нет. Но я не боюсь и планирую выходить на акции протеста в будущем.

Мои родители никогда не были сторонниками Путина и не поддерживали войну, но они считают, что заниматься какой-либо протестной публичной политикой слишком опасно и глупо. По их мнению, это не приведёт ни к чему хорошему, поэтому они меня не поддерживают. К тому же 6 марта параллельно с проведением обыска в моей квартире<sup>53</sup> полиция пришла и к моим родителям. Это было большим шоком и для них, и для моего младшего брата, которого буквально разбудили люди в масках с автоматами. У брата начались проблемы со сном, и родители обвинили во всём меня.

Что касается моих коллег по работе и просто знакомых, то я столкнулся с тем же, с чем сталкивались советские диссиденты: люди боятся со мной общаться. Они боятся, что если у меня будут новые обыски, то найдут их контакты и они тоже станут жертвами репрессий. Поэтому даже те, с кем я общался многие годы, сейчас разорвали со мной отношения, и я чувствую себя очень одиноким.

---

<sup>53</sup> У Владимира Авдонина 6 марта прошёл обыск в рамках уголовного дела о заведомо ложном сообщении об акте терроризма. Следственные действия также прошли и у других активистов. В тот день была запланирована акция протеста.

Я считаю, что Россия превратилась в террористическую организацию и многие страны абсолютно правильно рассматривают признание её террористическим государством. Спустя три недели после того, как я вышел на пикет с плакатом «Слава Украине, Путина под трибунал», мне было приятно узнать, что такую же позицию заняла большая часть западных стран и что начался процесс подготовки международного трибунала и сбора доказательств военных преступлений России, совершённых, в частности, в Буче<sup>54</sup>.

Я уверен, что эта война будет проиграна Путиным, поскольку он воюет не с Украиной, а со всем миром, а мир победит войну. Но мне кажется, что даже после того, как российские войска уберутся восвояси с оккупированных территорий, в стране закрутят все гайки, насколько это возможно в принципе, — и начнутся такие репрессии, которые мы даже не можем представить. Тем, кто выступает против путинизма, станет совсем тяжело. Я не верю, что путинский режим будет уничтожен внешним давлением или интервенцией — скорее, будет тянуться длительная и изнурительная война, в которой по одну сторону будет Россия, а по другую — весь мир. И платить за эту войну придётся на протяжении многих десятилетий всем гражданам страны.

---

<sup>54</sup> В марте 2022 года в городе Буча Киевской области произошло массовое убийство мирных граждан. На тот момент территорию контролировали российские войска. После того как 1 апреля город заняли украинские войска, международные информагентства опубликовали фото- и видеосвидетельства этих убийств. Украинские власти обвинили в военных преступлениях российских военных. Министерство обороны России все обвинения отрицает.

## Игорь Савельев

писатель, 39 лет  
Москва и Уфа,  
Республика Башкортостан

Интервью записано  
в июне 2022 года



**24** февраля у меня было ощущение, как будто какой-то фантазмагорический пузырь, который в последние годы надувался и надувался, наконец, лопнул. События произошли катастрофические, по масштабу их вполне можно сравнить с событиями 1917 года и более позднего периода, когда часть российского народа погибла в ходе гражданской войны и позже в сталинских лагерях, часть оказалась за границей, а часть как-то приспособилась.

В июне я объявил о запуске проекта «Город без Z». «Власти придумали тысячу способов наказать за любое антивоенное высказывание. Мы придумали 1001-й способ выступить против для тех, кто не готов к штрафам и репрессиям. Это близко к “итальянской забастовке”, когда гражданин не делает ничего, что выходило бы за рамки правового поля. На предприятие, повесившее Z, собирается досье нарушений — от экологических до трудовых. Активные граждане бомбардируют инспекции и надзоры обращениями по этим фактам, используя готовые кейсы и шаблоны. Проверки, которые власти вынуждены проводить, максимально осложняют работу

этих предприятий. Это и наказание (пока нет других законных методов), и урок для других начальников: «вешать Z — себе дороже», — написал я тогда в Facebook.

В какой-то степени идея этого проекта возникла от отчаяния, потому что после 24 февраля я, как и многие мои коллеги и вообще люди в России, находился в полной растерянности. Мы прошли все классические стадии: шок/отрицание — гнев — торг — депрессия — кроме принятия, разумеется. Было непонятно, что делать, как можно повлиять на эту ситуацию.

В Москве я ходил на антивоенный митинг ещё в конце февраля, меня задержали; после этого на акциях я уже не был. Я размышлял над другими формами протеста, возможными в наши дни, когда уже задушили всякую возможность свободно высказываться на тему войны. Что вообще можно сделать, чтобы быть услышанным? Я писал статьи, выражал свою позицию в соцсетях, но всё это было не очень слышимо. И, как это часто бывает в безвыходной ситуации, родилась довольно парадоксальная идея. Да, она почти абсурдная, в том числе и потому, что борьба с символом Z не такая уж важная антивоенная задача по сравнению с необходимостью остановить саму войну. Однако я предлагаю такую идею, тем более что она дает определенные гарантии безопасности тому, кто решится её воплощать. Я также рассматриваю эту идею как определенную психотерапию для людей, которые выступают против войны, но опасаются попасть под репрессивную машину государства.

Государство начало эту Z-кампанию, и определенная часть населения, охваченная реваншистским воодушевлением, подхватила. Мы, конечно, беремся с этой



Z только потому, что не можем бороться с войной напрямую, не можем остановить российские войска. Получается, что мы вымещаем свой гнев на этом символе по принципу фрейдистского переноса. Z для противников войны — квинтэссенция того ужаса, который происходит сейчас в Украине. Нам она напоминает нечто близкое к свастике, к символике Третьего рейха, и мы воспринимаем её как символ агрессии. Соответственно, те, кому эта агрессия по душе, вешают этот символ на свои машины, водружают на здания и так далее.

Есть довольно много людей, которые верят телевизору, считают, что война начата справедливо, но вряд ли активно её поддерживают и вешают Z у себя на машинах. В этой связи мне кажется, что есть довольно сильный водораздел между самими сторонниками войны. Существует одна большая часть населения, которая привыкла просто доверять «линии партии и правительства», но, по большому счёту, война с Украиной не вызывает у них восторга. Однако есть и те, кто испытывает именно восторг. Для них Z — это символ будущей победы, и корни их мотивации на самом деле глубже. Всё это, полагаю, связано с их мироощущением, возникшим во времена распада СССР.

Пока у меня нет конкретных планов, как отразить нынешние события в своём творчестве. Та растерянность, которая возникла у меня после 24 февраля, сказалась и на этой стороне жизни тоже. С началом этих событий «обнулилось» всё, в том числе и то, чем до этого жила российская литература. Всё или почти всё, о чём писали вчера, сегодня оказалось неважным. Я даже считаю, что мне как писателю в каком-то смысле по-

везло, что у меня не выходили книги накануне войны. Планы-то у меня были — в разработке было несколько романов, — но после 24 февраля я понял: то, о чём я собирался писать, уже не имеет никакого значения. Тем не менее среди разработок был один сюжет, который внезапно показался мне актуальным, как-то переключившимся с сегодняшними событиями. И над этим романом я начал работать.

Русская литература в результате этих событий оказалась скомпрометированной, как и всё остальное в российской культуре. Например, был расторгнут подписанный мной в январе контракт с одним французским издательством. Что будет с российским книгоизданием, с книготорговлей, совершенно непонятно. Так что пока я пишу, можно сказать, «в стол».

Я думаю, на литературу распространится весь пакет законов о «дискредитации Вооружённых Сил», то есть ограничения, связанные с темой Второй мировой войны и тому подобное. Будут, несомненно, и затруднения с художественным освещением событий нашей новейшей истории: там открывается широкое поле для цензуры.

Я думаю, что репрессии в связи с моей инициативой возможны, но я отношусь к этому умеренно спокойно, поскольку полагаю, что привлечение к ответственности по статье о «дискредитации Вооружённых Сил» — это не такая страшная вещь, из-за которой стоит молчать. Я как писатель думаю о своей репутации, понимая, что она во многом будет зависеть от того, что я делаю сейчас.

## Владимир Кузнецов

акционист, 37 лет

Пенза, Пензенская область

Интервью записано  
в августе 2022 года



**С**лучившееся 24 февраля меня не особенно удивило. Я общался со множеством людей, которые ещё за несколько месяцев до этого говорили, что будет война. Эта «готовность» тем не менее не сделала накрывшее меня потрясение легче. Я впал в депрессию.

Сфера моих интересов и деятельности — маркетинг и издательское дело. В 2018 году я начал продюсировать YouTube-проекты на тему толерантности в целом и ЛГБТ в частности. Мы снимали шоу в развлекательном формате, проводили интервью и опросы. В прошлом году аккаунт, на котором были оба наших проекта, заблокировали и удалили, из-за чего наша команда распалась. На тот момент наш канал был крупнейшим ЛГБТ-проектом в русскоязычном YouTube, однако исключительно на тематике ЛГБТ мы не сосредоточивались.

В мае я создал другой канал — TheOut2.0. В слогане, который у меня родился больше чем за год до этого, — «Искусство не должно молчать» — есть долженствование. Это всё, конечно, пафосно, но это миссия, которая возложена на всех творческих людей. Никого не вдохновляет трусость, а я всё-таки хочу вдохновлять и поддерживать.

Я создал этот канал по простой причине: я хочу рассказывать о том, что меня волнует, при помощи искусства, не сводя его к хайпу как самоцели. Мне хочется, чтобы наша деятельность вдохновляла миллионы людей, чтобы о ней узнали абсолютно все, но по-человечески я понимаю: сейчас мне хватает и близкого круга людей. Я также осознаю, что формат творчества, который я выбрал, понятен не всем, не у всех он находит отклик. После пережитой в 2019 году амнезии перформанс и творчество в целом стали для меня ещё и способом самопознания. Я бы не хотел ограничивать свою деятельность только антивоенной тематикой. По большому счёту, у меня есть только две работы, которые посвящены этой теме. Перформанс «НЕТ» (в нём три девушки, раскрашенные в цвета российского, белорусского и украинского флагов, занимались любовью на белой простыне, которая символизировала полотно истории) больше о примирении, а остальные — о свободе слова, об отношении общества и власти в целом.

Есть ли сейчас страх? В России в целом жить страшно. Если об этом постоянно думать и ничего не делать, то теряешь самоуважение. Не очень хочется ощущать себя безмолвным ничтожеством. Мы хотели сделать антивоенный перформанс, ещё когда только начинались так называемые «учения». Уже тогда была жуткая обстановка, а пропаганда бесконечно накачивала общество ненавистью. Многие тогда ощущали, что «что-то будет». Тогда мы задумывали этот перформанс не как антивоенный, поскольку мысль о «специальной военной операции» никто не хотел воспринимать всерьёз, а как работу об отношениях между людьми. Как

в условиях всеобщей ненависти снова прийти к миру и согласию? Это кажется невозможным. Может быть, для этого нужно быть супергероем? Поэтому в перформансе «НЕТ» на девушках были нарисованы, собственно, не флаги стран, а супергеройские костюмы в цветах государственных флагов.

В марте мысль о примирении наполнилась новыми смыслами. На этой «спецоперации» не один фронт. Общество с её началом раскололось ещё сильнее: оно воюет само с собой, одна кучка против другой. И под примирением я понимаю примирение внутри самого общества, между обычными людьми, на которое с каждым новым днём, с каждой новой смертью требуется всё больше сил. Сейчас понимаешь: для примирения либо должна пройти сотня лет, либо всем нужно стать супергероями. Обидно осознавать, что твоих посылов не принимают те, кто вроде бы должен, кто близок к тебе в рамках творчества. Где-то в апреле-мае я пытался знакомиться с акционистами и активистами, потому что, казалось бы, творческие люди сейчас должны искать способы объединяться, поддерживать друг друга. Однако из-за пропагандистской накачки ненавистью в этой стране оказались разобщены даже творческие люди, даже акционисты и активисты. Поэтому в перформансе «НЕТ» и в целом в своей акционистской деятельности я считаю важным именно послыл примирения.

Мне кажется, у страны два пути, и по поводу обоих я тоже не питаю иллюзий. Путь первый — Северная Корея. Путь второй — Путина и существующий режим усиленно сливает его окружение. А как его слить так, чтобы насовсем? Вот и происходит то, что происхо-

дит. Однако, учитывая то, как произошла смена власти в 90-е и кто к ней пришёл, ничего хорошего тоже ждать не приходится. Война когда-нибудь закончится, а людям надо будет залечивать души. Как? Я верю, что при помощи искусства. Поэтому я буду продолжать высказываться, пока могу. И так, как могу.

## Юлия Бабинцева

одна из руководительниц  
ЛГБТ-сообщества, 36 лет  
Пермь, Пермский край

Интервью записано  
в июне 2022 года



**К**аждый и каждая по-своему переживают глубочайший кризис последствий «военной операции», в котором мы все сейчас находимся.

А ЛГБТ-людям и до этого жилось нелегко: у нас высокий уровень гомофобии и непринятия в обществе, в том числе вследствие государственной политики<sup>55</sup>. Поэтому многие ЛГБТ-люди привыкли вести закрытый образ жизни и лишний раз не говорить о своей идентичности.

По данным опросов ЛГБТ-сообщества «Радужный мир», в последние годы не больше 10% ЛГБТ-людей открыто говорят о своих отношениях. Подразумевается,

---

<sup>55</sup> Последние несколько лет власти России выстраивают политику дискриминации ЛГБТ-людей. В 2013 году вступил в силу так называемый закон о «гей-пропаганде», запрещающий «пропагандировать нетрадиционные сексуальные отношения» среди несовершеннолетних. За него предусмотрена административная ответственность. После принятия этого закона всё чаще стали появляться предложения ввести и уголовную ответственность, но этого сделано не было.

18 июля 2022 года в Госдуму России внесли законопроект, приравнивающий «отрицание семейных ценностей и пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений» к разжиганию национальной розни и пропаганде порнографии. Это приведёт к запрету говорить об ЛГБТ. На момент подготовки книги к печати законопроект принят не был.

что они не рассказывают о своей ЛГБТ-идентичности на работе, в семье и в социальных сетях. Теперь, помимо гомофобии в обществе, мы получили еще и репрессии в отношении ЛГБТ-организаций, экономический кризис, травму свидетеля насилия. Общий уровень тревожности в такой ситуации просто не может не подняться.

ЛГБТ-люди чувствуют тревогу. В первые три месяца после начала «военной спецоперации» мы получали в два раза больше заявок на психологическую помощь. В день иногда приходило по семь заявок, это очень много: почти в два раза больше, чем раньше. В марте-апреле 2022 года мы стали проводить дополнительные группы психологической поддержки: там люди делились своими переживаниями, говорили, что чувствуют тревогу, что им плохо, что они опасаются находиться в одиночестве, подавлены, а их отношения с близкими существенно испортились. Рассказывали, что страшно планировать свою жизнь дольше чем на несколько дней. Сейчас многие говорят, что устали от войны и пытаются найти ресурсы в простых житейских вещах: прогулках, встречах с друзьями. Они избегают разговоров о политике, стараются жить здесь и сейчас.

В России я сейчас ощущаю себя уязвимо — и как все гражданские активисты, и просто как ЛГБТ-человек. В сложившейся ситуации в мире мы стали ощущать себя по-новому. Сложно, с одной стороны, а с другой — интересно: я понимаю, что сейчас наша работа важна как никогда.

Я уверена, что дальше будет лучше, долгожданные перемены обязательно наступят, и права человека станут первостепенной ценностью для государства, только



вопрос когда. Важно верить в себя и не опускать руки, быть с близкими и поддерживать друг друга, просить о помощи, когда нуждаешься, и помогать, когда можешь, жить, радоваться жизни, дарить и получать любовь.

Уезжать из России я не думаю. Я чувствую, что нужна здесь.

## Денис Мокрушин

студент, 22 года

Казань, Республика Татарстан

Интервью записано  
в июне 2022 года



**24** февраля я сидел за проектом по архитектурному проектированию. Было часов пять утра, у нас в общежитии вся комната не спала. Примерно в это время появились первые сообщения о том, что российская армия вошла на территорию Украины. Мы сначала не понимали, что происходит, все были в шоке. Но вскоре осознали, что началась война, что мы — агрессор, и это всех потрясло. Никто такого не ожидал, и я в том числе. Уже тогда я понял, что прежняя жизнь закончилась, что начинается какой-то кошмар и безумие.

Мы с друзьями и родственниками, конечно, обсуждали произошедшее. У нас вся комната это обсуждала, у всех был шок, у некоторых ребят даже слёзы. Это была трагедия для каждого, все понимали, что рано или поздно это отразится на нас. У меня были «звоночки» и раньше: по-моему, в ноябре 2021 года были первые новости, что наши войска стягиваются на границу «для учений». Все понимали, что нечто подобное может произойти, но надеялись на лучшее — никто не думал, что режим пойдёт на такое. Ведь это убийственное решение для самого режима!

Мое отношение к власти было однозначно негативным, оно сформировалось еще в 2014–2015 годах. Как раз тогда я следил за Борисом Немцовым, он часто выступал на «Дожде»<sup>56</sup>, на «Эхе Москвы»<sup>57</sup>. Уже тогда у меня возникло негативное отношение к аннексии Крыма, я её не поддерживал. Я резко против войны: это смерти, это трагедия. Есть очевидный факт: мы напали, мы всё это устроили — и это именно война, а не какая-то «спецоперация».

27 февраля я вышел в центр Казани на одиночный пикет в память о Борисе Немцове. На плакате был изображен его портрет, а под ним надпись: «Правда сильнее пуль». Мне тогда не было страшно. В тот момент я просто не думал, что могут быть какие-то последствия. Я понимал, что машина репрессий заработала на полную катушку, но...

После пикета 27 февраля я распространял свою антивоенную позицию в социальных сетях. На публичные

---

<sup>56</sup> «Дождь» — до 2022 года российский независимый телеканал. Первого апреля 2022 года Генеральная прокуратура потребовала ограничить доступ к информационным ресурсам канала. Роскомнадзор заблокировал сайт издания. Третьего марта было принято решение о временной приостановке работы телеканала. В июне «Дождь» получил от национального совета по электронным СМИ Латвии европейскую лицензию на вещание. 18 июля телеканал возобновил вещание из студии в Риге.

<sup>57</sup> «Эхо Москвы» — советская и российская круглосуточная информационно-разговорная радиостанция, вещавшая с 1990 года. Первого марта 2022 года по требованию Генеральной прокуратуры из-за «целенаправленной и систематической публикации заведомо ложных сведений о действиях российских военных в рамках специальной военной операции по защите ДНР и ЛНР» Роскомнадзор ограничил доступ к информационным ресурсам радиостанции. Третьего марта на совете директоров закрытого акционерного общества «Эхо Москвы» было принято решение о ликвидации радиоканала и сайта «Эха Москвы».

акции я больше не выходил. У меня уже была самоустановка, что раз за пикет меня схватили<sup>58</sup>, то мне сейчас нежелательно снова «светиться». Я решил, что могу заниматься другой активностью, помогать людям, которые продолжают выходить на акции. Я понимал, что если выйду снова, то будут более серьёзные последствия.

Всё началось в апреле. Ко мне прямо в университет пришли оперативники, чтобы взять с меня объяснительную и проверить документы. Попросили мой номер телефона, ссылки на соцсети. Я им рассказал про себя, но не сказал ничего такого, что не знают другие. На этом беседа была закончена. Позже, в мае, мне позвонил комендант общежития и сказал, что нас вызывают в отделение полиции по подозрению в вандализме. Когда мы приехали в отделение и мне показали скриншоты моего аккаунта в Instagram, комендант стал возмущаться, говорил: «Почему вы врёте, так и скажите, что вам нужен человек для обвинения в вандализме!» В отделении я уже ничего не говорил, сославшись на 51-ю статью Конституции. Разговор завершился ничем. 20 мая оперативники пришли в университет, снова отвезли меня в отделение и составили протокол о «дискредитации армии» за посты в Instagram<sup>59</sup>.

Многие боятся выступать или писать о своём отношении к происходящему, но в моём окружении все

---

<sup>58</sup> 27 февраля 2022 года Дениса Мокрушина задержали на акции памяти Бориса Немцова в Казани. Впоследствии его оштрафовали на 10 тысяч рублей за организацию несанкционированного мероприятия.

<sup>59</sup> 29 июня 2022 года Вахитовский районный суд Казани прекратил это дело за «истечением срока давности» привлечения к административной ответственности.

однозначно не поддерживают войну. Если у кого-то и были сомнения в самом начале, то сейчас мнение кардинально поменялось. Лично я не знаю ни одного человека, кто бы мог это поддерживать. Среди моих знакомых нет таких людей.

Мама меня полностью поддерживает и разделяет мою точку зрения. Она была в таком же состоянии, когда началась война. Мы вместе всё это переживали. Она всё понимает, следит за событиями, мы смотрим одни и те же новости, одни и те же каналы. Мама именно сейчас оказывает мне огромную поддержку. У бабушки изначально была риторика, что лучше не высовываться, но это просто из-за того, что она за меня переживает. Изначально у неё были сомнения, но ситуация со мной в корне поменяла её мнение. Она начала понимать, что происходит, и находится в точно таком же недоумении, как и я.

Отец со мной никогда не жил, но мы постоянно поддерживаем связь. Конкретно к войне у него тоже негативное отношение. Насколько мне известно, у него родственники из Украины, он сам родом оттуда. Среди моих близких нет какого-то разногласия на этой почве. Наоборот, это нас ещё больше сплотило. Отношения у нас всегда были прекрасные, а сейчас — особенно. Без семьи я бы не справился.

Я и дальше буду открыто говорить, что происходит. Я не могу молчать, мне от этого как-то не по себе. Я планирую направить свою активность именно на права студентов нашего университета, помогать тем, кто оказался в такой же ситуации. Я считаю, что именно студенты — это будущее страны. Если сейчас их пода-

вить, запретить им высказывать своё мнение, это будет огромной трагедией. И с этим нужно что-то делать.

Эмигрировать я не планирую. Конечно, в нашей семье были такие разговоры, но мне, наверное, лучше остаться здесь. Я просто не представляю себя где-то за рубежом, не знаю, что буду там делать. Мне очень важно находиться среди тех людей, которые живут здесь, вместе с ними испытывать и осознавать реальную картину событий. Наверное, если совсем прижмёт, если я буду понимать, что это необходимо, то, скорее всего, да — придётся уехать. Но пока я не вижу такой угрозы, чтобы решиться эмигрировать.

## Ильмира Рахматуллина

хореограф, 30 лет

Уфа, Республика Башкортостан

Интервью записано  
в июле 2022 года



**Н**акануне 24 февраля мы с сестрой смотрели видео на YouTube-канале Ильи Варламова<sup>60</sup> — дискуссию о том, может ли произойти вторжение в Украину. Эксперты пришли к выводу, что такая вероятность — из области фантастики. А в ночь с 23 на 24 февраля мы с сестрой как раз не спали, настолько сильное беспокойство нас охватило. Поэтому о начале войны мы узнали сразу же. Конечно, мы испытали шок и ужас от происходящего. И сразу же сказали друг другу: вот до чего довел ситуацию Путин, вот к чему привело его долгое правление, когда он возомнил себя императором и решил, что ему теперь всё можно. До этого довело и молчание россиян в своём большинстве.

С тех пор прошло уже пять месяцев, и моя позиция никак не изменилась: к войне я по-прежнему отношусь резко отрицательно. В цивилизованном мире так проблемы не улаживаются, они разрешаются с помощью диалога, чего наш правитель делать не умеет.

---

<sup>60</sup> Илья Варламов — российский общественный деятель, журналист, предприниматель и видеоблогер.

С самого начала агрессии против Украины я стала выходить на пикеты. Сперва мы выходили вместе с сестрой, которая полностью разделяет мою позицию. 6 марта мы вышли на площадь возле гостиницы «Башкортостан», где нас сразу же задержала полиция. В тот день в Уфе были задержаны десятки людей. Нам дали предупреждение и сказали, что если мы ещё раз выйдем на пикет вместе, то нам инкриминируют групповое правонарушение. После этого мы решили, что на акции буду выходить я одна<sup>61</sup>.

С тех пор я выходила уже не раз. Конечно, мне немного боязно, но я понимаю, что выхожу за правое дело — и буду выходить дальше. Может быть, хоть кто-то изменит свою позицию с равнодушной на протестующую, а для этого нужно демонстрировать другим людям свои убеждения, чтобы они не пребывали в отчаянии, думая, что ничего сделать невозможно. Чтобы не сидели сложа руки. И самое главное — чтобы они не привыкали ни к происходящему в Украине, ни к своему беспомощному состоянию. Нельзя привыкать ни к тому, ни к другому, поскольку такое состояние и молчание убивает человека и в прямом, и в переносном смысле.

Разумеется, я вижу, что по сравнению с начальным этапом войны людей в России на антивоенные протесты выходит всё меньше. Они боятся репрессий в отношении себя, боятся за свои семьи. У меня пока нет

---

<sup>61</sup> 18 августа 2022 года на сестру Ильмиры Рахматуллиной Амриту напали двое неизвестных мужчин и жестоко избили её. «Они всё время орали, что моя сестра Ильмира “допрыгается”, что мы “продаём родину, поддерживая Украину», — рассказала Амрита Рахматуллина. Спустя несколько дней девушки уехали из России, опасаясь за свою безопасность.



мужа, нет детей — может быть, поэтому я такая смелая. Я не осуждаю людей за их страх, но всё равно считаю, что молчать нельзя. По крайней мере, по своим пикетам я вижу, что делаю это не зря: люди, проходящие мимо, высказывают мне свою поддержку: кто-то показывает поднятый вверх большой палец, кто-то — сердечко, кто-то интересуется подробностями происходящего и темой моего пикета. Это лишний раз убеждает меня, что с людьми надо разговаривать, надо доносить до них свою позицию.

У меня, например, довольно большой круг общения, в котором есть представители разных возрастов и профессий. И в большинстве своём это люди, не поддерживающие войну в Украине. Есть среди них — точнее, были — и сторонники агрессии; я старалась объяснить им всю несправедливость этой войны, но до большинства из тех, кто насквозь прозомбирован пропагандой, я достучаться не смогла. Я просто отдалилась от этих людей, будучи не в состоянии больше с ними общаться. Однако некоторых я всё же смогла переубедить — не столько своим красноречием, сколько делаясь с ними ссылками на интересные, важные и, на мой взгляд, объективные материалы и публикации о происходящем.

Что касается тех, кто остался на прежних, провластных позициях, я думаю, что их переубедят события. Когда они на своей шкуре испытают последствия того, что наша страна стала изгоем, что она сейчас подвергается таким санкциям, а их уровень жизни падает. Чтобы они это прочувствовали, потребуется время — может быть, полгода, — поскольку в мышлении таких людей велика инерция. Пока они говорят: «Мы уже много чего

пережили, были разные кризисы — и в 1990-е годы, и в 2008-м году...» — переживем, мол, и это время.

Санкции, конечно, коснулись и моей семьи, и нашего окружения. Тут и подорожание продуктов, и невозможность оплатить по интернету многие зарубежные товары и услуги. Всё стало заметно дороже. А между тем молодое поколение уже привыкло к нормальному образу жизни, к хорошей еде и одежде. Но лично я готова терпеть последствия санкций, поскольку считаю, что всё это — мелочи по сравнению с тем, что сейчас происходит в Украине: там российский диктатор отнимает у людей право на жизнь, они гибнут под бомбами и ракетами.

Уезжать из страны я не собираюсь. Я люблю Россию, хочу остаться и жить здесь, надеясь, что страна рано или поздно поменяется в лучшую сторону: изменится власть, наступит демократия, у людей появится право голоса. И я хочу своими, пусть и скромными, усилиями способствовать тому, чтобы это время приблизилось. Пусть на фоне других видных оппозиционеров, настоящих героев борьбы с режимом я кажусь каким-то муравьём, но я делаю, что могу, — и совесть моя чиста.

Конечно, я очень часто думаю о том, что будет с Россией в будущем. Мне не хочется верить в негативные сценарии, хотя я их допускаю. Не хочется думать, что лет через 50 у нас будет, как в Иране или на Кубе. Что наши самолёты перестанут летать, что в результате деградации технической базы будет возрастать количество аварий на транспорте, на производстве. Что из-за упадка всей инфраструктуры люди будут голодать, мёрзнуть, умирать от отсутствия лекарств и современных медицинских аппаратов...

Мне хочется думать, что ситуация изменится в лучшую сторону. Всё же у нас большая, богатая ресурсами страна, главное — чтобы власть досталась порядочным людям. Я очень надеюсь, что хотя бы лет через пятнадцать-двадцать Россия вылезет из этой ямы, куда она сорвалась, — и начнётся её восстановление на нормальных, человеческих началах. Я так воспитана родителями: в нашей семье всегда жило понимание, что в стране не должно быть единоличной бессменной власти, что необходима оппозиция, честные выборы и демократия.

## Ильдар Султангиров

сотрудник банковской сферы,

49 лет

Уфа, Республика Башкортостан

Интервью записано

в мае 2022 года



Слушать историю

**Я** отец двух дочерей: старшей — 21 год, младшей — 10 лет. И происходящее в Украине меня сильно беспокоит. Я понимаю, как это скажется на наших детях, на их будущем, причём в долгосрочной перспективе, так как на этот раз всё всерьёз и надолго. Это первая причина, по которой я вышел на одиночный пикет с плакатом «Мир во всём мире. World peace».

А вторая причина — мне не совсем понятно, как можно было войти в чужую страну и проводить там какие-то спецоперации. В голове такие вещи не укладываются! Трудно подобрать слова. 24 февраля «в моменте» нас будто бы не коснулось, но я сразу понял, что произошло и насколько долго и плохо будет развиваться. Я человек с экономическим образованием и прекрасно понимаю, какие будут последствия.

Мы видим кадры гибели людей, и просто страшно представить, что там происходит. Раньше Украина и Россия были странами с примерно одинаковым укладом жизни. Эти люди спокойно и мирно жили. Я там не был, не могу ничего сказать по поводу того, есть ли там

нацисты, но я вижу, что сейчас происходит: беженцы, гибель людей — это плохо, это ужасно.

Наша страна не может существовать изолированно от мира. Если взять любое производство, мы увидим, что комплектующие там из разных стран. Когда из России уходят компании, люди думают, мол, какая разница. Но без деталей, которые производили эти компании, может встать вся технологическая цепочка производства. И даже по человеческой логике: если с большинством стран испорчены отношения, ничего хорошего в этом нет. Разрушение всех экономических связей — это изоляция. Далеко за примерами ходить не надо: мы знаем, что такое Северная Корея. Я помню, что творилось в России в 90-е годы, и поверьте, ничего хорошего нас не ждёт. Война бьёт по людям, по карману, приводит к повышению цен. К тому же восстановление разрушений в Украине ляжет опять же на наши плечи.

Я стоял в пикете в Гостином дворе, затем возле стелы, посвященной Всеобщей декларации прав человека. Было страшно, но я привык и простоял около часа. В основном люди никак не реагировали — просто проходили мимо. Был дождь, плакат намок, я закончил пикет и пошёл домой. Полицейские пришли ко мне на следующее утро. Как я понял, они по камерам отследили, как я дошёл до парковки, сел в свою машину, — и по номеру автомобиля выяснили моё имя и адрес. Я испугался, когда полицейские позвонили в квартиру. Когда это происходит с тобой впервые, это неприятно.

Вообще, человек я, можно сказать, законопослушный — никогда законы не нарушал и к ответственности не привлекался. В протестных мероприятиях тоже не

участвовал, кроме акции «Стоп Кроношпан» против строительства в Башкортостане австрийского завода по переработке древесины.

В отделении полиции я написал в объяснении, что всё сделал сам: сам придумал надпись для плаката, сам её нарисовал. Несмотря на мягкую формулировку на самом плакате, и в конце протокола, и в объяснительной я указал, что, как бы ни называли эти события, «спецоперация» или как-то ещё, но война — это война, белое — это белое, чёрное — это чёрное, а круглое — это круглое. Когда вещи начинают называть «наоборот», это вызывает недоумение и непонимание. У каждой вещи есть своё название.

Я чувствую, что как представитель страны-агрессора я в какой-то мере соучастник происходящего, хотя помыслов таких у меня не было. Я мирный человек, я не хотел войны, я хочу жить в мире и согласии с соседями. Эти ощущения у меня внутри всё больше накапливались. После того как я вышел на пикет, меня отпустило, мне стало легче. Я понимал, что в отношении меня последуют санкции. Но что я мог сделать, я сделать постарался.

## Алёна Подлесных

преподавательница, 40 лет

Пермь, Пермский край

Интервью записано

в июне 2022 года



Слушать историю

**24** февраля я почувствовала ужас. Было ощущение, что мир рухнул. Никаких положительных или хотя бы нейтральных слов подобрать было невозможно. Как говорил Лев Толстой, война противоестественна человеческой природе.

В первых числах марта я увидела объявление о проекте, в который приглашались педагоги из России, желающие заниматься дистанционно с украинскими детьми, чтобы поддержать ребят, и предложила уроки журналистики. Я преподаю раз в неделю, со мной занимаются украинские подростки, большинство из которых бежали из Украины и живут за границей.

Первые уроки были очень тяжёлые: я веду занятие и с трудом сдерживаю слезы! Это был март, и одна девочка написала, что происходит в Мариуполе. Было очень нелегко обсуждать такие тексты. Мы договорились с ребятами, что постараемся — хотя это сложно — не трогать военную тему: подростки писали об экологии, о любимой музыке.

Я общаюсь с Ириной — мамой одной из девочек из Харькова. Она рассказала, что у дочери негативное отно-

шение к россиянам, но мать пытается доказать ребёнку, что не все они плохие. Я считаю, что моя задача — показать украинским подросткам, что россияне в большинстве своём не враги украинцам. Среди учеников есть девочка, которая не пропустила ни одного занятия, и она единственная из всех говорит со мной только на украинском. Мы не всегда понимаем друг друга, но другие ученики переводят. Я обожаю эту девочку по имени Алекса — и мне кажется, что это взаимно.

В начале июня я обратилась в прокуратуру и инспекцию по охране объектов культурного наследия из-за баннера с буквой Z на здании Дома офицеров. Я не боялась никаких последствий. Какие последствия могут быть, если я заявляю, что на одном из зданий в центре города незаконно размещена вывеска? Неважно, какого она содержания. Дом офицеров Пермского гарнизона — это объект культурного наследия регионального значения. Почему на нём что-то навешано? Памятник должен быть свободным для обзора, то есть баннер на объекте-памятнике недопустим. Кроме того, он установлен прямо над входом в здание, что может быть небезопасно для посетителей Дома офицеров.

О том, что на фасадах зданий запрещено размещение каких-либо графических изображений, сказано в правилах благоустройства Перми. Поэтому ещё одно обращение по поводу баннера я подала в прокуратуру, чтобы она проверила его законность. Таким образом, я не думала даже о каких-либо последствиях для меня — я всего лишь пыталась добиться исполнения законодательства. При этом в своих обращениях я не анализировала содержание баннера, не критиковала его, а лишь



указала на то, что он размещён незаконно. Интересно получается: я не анализирую, что написано на баннере, а чиновники анализируют. Потому что любой другой баннер они бы сразу сняли, а этот не хотят.

Я получила письмо из Инспекции по охране объектов культурного наследия о том, что баннер будет демонтирован незамедлительно. Утром следующего дня я всё же позвонила исполнителю письма и уточнила, что значит «незамедлительно». Инспектор ответила: «В тот же день, как руководство Дома офицеров получит письмо». Но через полчаса после этого разговора в СМИ уже появились заметки, что правительство Пермского края не разрешило снимать баннер. То есть получается, что баннер останется на месте в нарушение закона.

После этого мне стали приходиться сообщения, где меня обвиняли в предательстве родины. Я не ожидала, что законное требование снять баннер спровоцирует такой шквал негатива от троллей. Они писали мне во всех мессенджерах, где только могли меня достать: писали сообщения на телефон и на электронную почту, отправляли заявки в «друзья» и звонили. Всего было около ста звонков, сообщений и прочих «знаков внимания». Кроме того, пытались взломать мои аккаунты и даже личный кабинет на сайте Госуслуг. Мне удалось установить, что это не была рассылка спама программой — это пишут люди: вероятно, и те, кому за такую работу платят, и те, кто делает это по зову сердца.

Я не могу назвать себя смелым человеком: чувство страха мне знакомо, как и всем. После случая с Z-баннером я услышала много слов благодарности от россиян и восхищения моей смелостью. Но я не понимаю, в чём

здесь проявилась смелость, — я всего лишь потребовала от администрации города соблюдения закона.

Близкие меня поддерживают, это важное условие того, почему я занимаюсь правозащитной деятельностью. Если бы не было поддержки семьи и друзей, я не была бы такой сильной, какой меня считают. В моём окружении сейчас нет ни одного человека, который пытается переубедить меня в моих взглядах на происходящее. С кем-то после 24 февраля я прекратила общение, но таких людей единицы. Даже моя мама, которой семьдесят лет, абсолютно солидарна со мной. С друзьями и близкими мне повезло.

В будущем я вижу Россию несчастной, страдающей и истекающей кровью.

## Алёна Богданова

студентка театрального  
факультета, 22 года  
Уфа, Республика Башкортостан

Интервью записано  
в марте 2022 года



**Я** учусь заочно на режиссёра на театральном факультете в Уфимском государственном институте искусств. Училась в Москве, но пришлось вернуться в Уфу по личным обстоятельствам. У меня есть работа: я преподаю актерское мастерство подросткам и взрослым в государственном учреждении. В 15 лет я начала ходить в театральную студию и хотела быть актрисой, но потом поняла: кем угодно, только не актрисой. Это зависимая профессия, тебе всё время указывают, что делать, как играть, — а это не моё. Я хотела что-то создавать сама. В 17 лет я поставила свой первый этюд, он назывался «Система» — и тогда поняла, что быть режиссёром намного интереснее.

Идея этюда была в том, что группа людей движется в такт, совершает одинаковые движения, и вдруг в какой-то момент одна девушка начинает проявлять иные, чем у группы, эмоции. Её окружают со всех сторон и начинают показывать ей гримасы, которые она должна повторять. Через некоторое время девушка берёт в руки чемодан — такой же, как у всех, — надевает шляпу — такую же, как у всех, — и встаёт в общий ряд. Это надо

видеть, потому что этюд построен на пластике движения, слов там практически нет.

Театр — это самый доступный для меня способ высказаться, никак по-другому я не умею. И для меня важно, чтобы получалось искренне. То, что меня касается, что во мне отзывается, от чего мне больно, переходит в образы, а в голове появляется связная картинка; я о чём-то размышляю — и потом это выливается в постановку.

8 марта я провела перформанс в центре Уфы. Надела русскую народную рубаху и обмоталась колючей проволокой. Когда начались все эти события, у меня был шок, было страшно и непонятно. Я не знала, что я могу сделать. У меня родился в голове этот перформанс, и я подумала, что вот это — единственное, что я могу. Я простояла где-то полчаса, хотя полицейские подошли сразу же, просили показать паспорт, но у меня его с собой не было: у меня при себе вообще ничего не было, кроме букетика в руках и тома «Войны и мира». Полицейские не знали, что со мной делать, кому-то звонили, их становилось всё больше, пока в какой-то момент один из них не сказал: «Всё, снимайте с неё проволоку». Они начали сдирать её с меня, прохожие им кричали: «Вы ей шею повредите!» Но я считаю, что полицейские хорошо вписались и стали частью моего перформанса. Когда я планировала акцию, я не знала, как будут развиваться события, удастся ли мне простоять хотя бы недолго. Я, конечно, понимала, что с большой долей вероятности меня задержат, и была к этому готова.

Прохожие реагировали в основном одобрительно. Правда, вышел какой-то охранник и начал говорить,

что я ничего не понимаю. Я ему ответила: «Есть ли у вас сыновья, которые пойдут на эту войну?» Он замолчал и ушёл. В моей семье никто не знал, что я собираюсь провести эту акцию. Они узнали об этом из прямого эфира в Instagram и стали очень волноваться за меня. В целом все меня поддержали, но, конечно, родители переживают — и от этого тяжело. Чувствуешь перед ними какую-то ответственность, понимаешь, что расстраиваешь близких. Но и молчать невозможно. Я считаю, что все люди должны быть против войны. Я не понимаю тех, кто выходит со знаками Z и поддерживает войну, это какой-то сюрреализм. 9 мая нам демонстрируют оружие и танки, и все почему-то радуются. Я никогда не радовалась и никогда не ходила на военные парады. Знаете, какой мой любимый писатель? Эрих Мария Ремарк — за то, что он рассказал, как на войне страдают все: и агрессоры, и жертвы.

Мне не было страшно, когда меня задерживали. Я считаю, что страх (я не имею в виду инстинкт самосохранения) — это тормоз. Есть страх и есть любовь, и они на разных полюсах. Я всегда за любовь и поэтому считаю, что бояться глупо. Если ты чего-то боишься, проработай этот страх и избавься от него. Любовь к свободе и любовь к правде перевешивают страх. Хотя я думаю, что в отделении полиции мне очень повезло: со мной хорошо обращались. Я читала, что делают с задержанными в некоторых городах, а по поводу себя думала: случится и случится, я не фарфоровая куколка, не разобьюсь от пары синяков. А если умру, то уже и бояться будет нечего. Я всю жизнь говорила, что никак не связана с политикой, ничего в этом не понимаю и не же-

лаю понимать, всегда придерживалась принципа, что надо строить мир вокруг себя: правильный, добрый, светлый. Но сейчас нельзя не замечать, что происходит, и быть вне политики всё сложнее. А строить мир вокруг себя стало вообще невозможным.

После акции мне позвонили из института и начали задавать странные вопросы: например, есть ли у меня среди родственников украинцы. Моя бабушка украинка, но она живет в России. В детстве я была во Львове и в Киеве, но украинский язык не знаю. И я не считаю себя представительницей какой-то определённой национальности — для меня это вообще неважно. Неважно, из какой ты страны, важно всегда оставаться человеком и не быть равнодушным к преступлениям и насилию. У меня нет денег, чтобы поддерживать фонды или СМИ, но я могу выражать свою позицию доступным мне образом. Мне не страшно, если меня отчислят. Значит, так нужно. Вуз — не то место, ради которого я готова отказаться от своих принципов.

Если меня уволят из-за акции, мне будет ужасно жаль, потому что я очень люблю свою работу, но что ж — организую собственную театральную студию. Хотя, конечно, мой перформанс — это и есть часть моей работы. Это творческий акт, а не намеренное оскорбление кого-то, за что меня судили<sup>62</sup>. Я против любой войны и насилия, и сейчас мне очень стыдно, что агрессором является моя страна. Я никого ни к чему не призываю, но если все так и будут сидеть тихонько, то будет

---

<sup>62</sup> Кировский районный суд Уфы 14 марта 2022 года оштрафовал Богданову на 30 тысяч рублей за «дискредитацию армии».

всё хуже и хуже. Конечно, можно держаться за то, что имеем, но мы не имеем ничего.

Я люблю нашу страну за Чехова, Станиславского, Менделеева. За то, что она красивая. То, что я не люблю, не связано со страной, а связано с государством. Сейчас я нахожусь в подвешенном состоянии. Я чувствую, будто меня связали по рукам и ногам, потому что, если я снова проведу антивоенную акцию, меня могут привлечь к уголовной ответственности, а новые статьи Уголовного кодекса за такие действия предусматривают наказание вплоть до трёх лет тюрьмы. Я понимаю, что расстрою родителей, если окажусь в тюрьме. Но я не могу сидеть смиренно и ждать, когда моя маленькая зарплата станет ещё меньше, когда нам нечего будет есть. Я не знаю, как, учитывая такую жёсткую пропаганду, можно надеяться, что что-то изменится. Хотя я всё-таки оптимистка, поэтому стараюсь верить в лучшее.

На эмиграцию у меня нет ни средств, ни желания. Бегство в Европу звучит, с одной стороны, здорово, с другой — трусливо. Конечно, если грозит тюрьма, логичнее уехать. Здорово, если бы мир был резиновый и все, кто выступает против войны, могли бы уехать и спокойно заниматься своим любимым делом в других странах, а в России бы остались те, кто ходит с буквой Z. Но это утопия. И людей, которые ходят с буквой Z, мне, на самом деле, жаль. Они не виноваты, что выросли в таких условиях, в таком окружении, где невозможно понять, что происходит на самом деле. Если бы я знала, как открыть глаза этим людям, я бы это сделала. Пока у меня только жалкие попытки, но, если хотя бы один человек, поддерживающий войну, после моего перфор-

манса передумает и увидит, что творится, я буду очень довольна. И готова буду отсидеть три года в тюрьме, чтобы передумал кто-то ещё.



## Денис Втулкин

предприниматель, 41 год  
Самара, Самарская область

Интервью записано  
в августе 2022 года



Слушать историю

**20** февраля у меня был день рождения, мы праздновали его несколько дней. Когда я протрезвел, было очень трудно воспринимать новую реальность. Я просто не мог поверить, что всё так изменилось, чувствовал отчаяние, хотелось собрать вещи и уехать на следующий же день. Потом я понял, что все мои друзья, знакомые и родственники поддерживают то, что делает Россия. Они очень легко отдали своё мировоззрение на откуп пропаганде. Из-за этого у меня возникла такая обида на них, на соотечественников, что я чувствовал себя абсолютно растерянным.

Я пытался спорить, что-то доказывать. Я знаю, что эти люди нормальные, добрые, но, видимо, сила пропаганды так велика, что какими-то разговорами за день-два её не переломить. Будто какая-то пелена перед глазами, и люди просто начинают говорить про «базы НАТО», про «где вы были восемь лет». В общем, спустя какое-то время я решил никого не переубеждать и относиться к их высказываниям философски.

На майские праздники я выходил кататься на роликах с украинским флагом на плечах. Купил в магазине

ткань, сам его сшил. Первого мая я катался по набережной Волги, девятого — в районе площади, где проходил парад. Оба раза свободных полицейских, видимо, не было: они все были «прикреплены» к определённым точкам. Когда они меня видели, то издали как-то пытались подманить, но я просто разворачивался и ехал в другую сторону. Тогда меня не задержали.

Спустя дней десять мы с женой поехали на парковку возле стадиона «Самара Арена»: там я учил её кататься на роликах. Тут же появились сотрудники ГИБДД, предъявили мне обвинение, что я вожу машину без прав, и сказали, что «пробили» её по камерам. Я ответил, что сейчас катаюсь на роликах, а не на машине, а автомобиль — вот, просто рядом стоит. Потом уже подъехали сотрудники патрульно-постовой службы, которые предложили мне проехать в отделение. Я спросил: «Зачем?» И тут они прямо заявили: «Вы катались на роликах с украинским флагом». В конце концов меня положили лицом в асфальт, привезли в участок и дополнительно выписали штраф за неповиновение полиции. Позднее они говорили, что украинский флаг — это «нацистская символика», что-то в этом роде было написано и в протоколе. Я им сказал, что государственный флаг Украины таковой символикой не является.

Суд выписал мне два штрафа по 45 тысяч рублей по двум протоколам о «дискредитации армии»: за катание на роликах с флагом Украины 1 мая и 9 мая. Оба суда проходили в один день. Также меня оштрафовали то ли на две, то ли на четыре тысячи рублей «за неповиновение распоряжению сотрудника полиции».

Некоторое время назад меня лишили водительских

прав: у меня есть долги перед судебными приставами, из-за которых отобрали машину. В общей сложности я отсидел тогда три ночи в отделении полиции. В одну из них меня привели в кабинет, где находился какой-то начальник из Главного управления МВД, фамилию я не помню. Он сказал: «Ты понимаешь, почему у тебя такие проблемы? Будешь ещё какие-то акции проводить?» Я сказал, что не буду и, скорее всего, уеду из страны. Он ответил: «И замечательно, мы тебе поможем. А если ещё чего-то сделаешь, то нормально уже не уедешь».

Я вышел на эти акции в мае, потому что у меня не было тогда никакого рационального решения: был просто порыв, эмоция. Невозможно было «сидеть ровно», наблюдая за происходящим, и хоть как-то не высказаться. Когда слышишь новости про депутата Алексея Горина<sup>63</sup>, художницу Сашу Скочиленко<sup>64</sup>, то в принципе становится страшно. Девчонка просто поменяла ценники в магазине, а теперь она сидит и ждёт приговора. Это очень пугает. Мне повезло, что я живу в про-

---

<sup>63</sup> В июле 2022 года Мещанский районный суд Москвы приговорил депутата Красносельского округа Москвы Алексея Горина к семи годам лишения свободы с отбыванием в колонии из-за выступления о войне в Украине. 19 сентября Мосгорсуд сократил срок до 6 лет и 11 месяцев. Уголовное дело возбудили из-за пятиминутного обсуждения депутатами конкурса детских рисунков. Суд установил, что Горин во время этого разговора назвал войну войной, а не «спецоперацией», говорил о гибели детей в Украине, называл Россию «фашистским государством» и отмечал, что она хочет захватить территорию Украины.

<sup>64</sup> В отношении Александры Скочиленко возбуждено уголовное дело из-за замены ценников на антивоенные листовки в продуктовом магазине. Её обвиняют в распространении «фейков об армии». По данным СМИ, жалобу на девушку написала пожилая покупательница одного из супермаркетов. 13 апреля суд избрал для Скочиленко меру пресечения в виде заключения под стражу.

винции: в Самаре правоохранители не такие людоеды, как в Москве или Санкт-Петербурге. Мне кажется, там бы я давно уже получил срок.

Сейчас лично у меня нет желания или стимула проводить акции протеста. Не потому, что меня испугали, а поскольку я насмотрелся на своих родственников и друзей. Они хорошие люди, но близорукие в политическом плане и в представлении того, каким должно быть общество. Кроме того, всё равно нет большой поддержки: людей выходит меньше, чем на демонстрации, организованные Алексеем Навальным. Результат будет такой, что ты своей совестью сделаешь хорошо, но придётся без особого смысла сесть на несколько лет в тюрьму.

Когда меня везли в отделение полиции в мае, я вообще думал, что меня посадят лет на десять-пятнадцать. На суде я был без адвоката, никто мне толком ничего не объяснил, я успел только прочитать кое-что в интернете. Я подумал: хорошо, что не посадили, потому что те три ночи, которые я перед этим провёл в полицейских участках, навели меня на мысль, что тюрьма — это серьёзное испытание. Тем не менее я очень рад, что вышел на те майские акции. Тогда я не понимал, что всё так серьёзно, а просто хотел сказать: «Что же вы делаете, гады?» Я сделал то, что мне подсказывала совесть, а делать из себя мученика смысла нет.

Все мои близкие говорят мне что-то вроде: «Не высовывайся, живи нормально». Я как в пузыре: в окружении, по большому счёту, нет людей, которые не поддерживают войну, может, один-два человека. Просто не с кем объединиться в психологическом смысле. Мне

кажется, у любого человека отношение к любой войне должно быть категоричным. Для меня просто парадокс, что люди вокруг ходят, как зомби, и не видят, где добро, а где — зло. Отношение к войне у меня никак не поменялось, просто сперва была растерянность и удивление, а теперь уже этого нет.

С другой стороны, я думаю, эта война приблизила развязку. Если раньше казалось, что это путинское болото будет длиться долго-долго, то теперь есть надежда, что конец близок. Что пройдёт несколько лет, и люди, которые были обмануты пропагандой, присоединятся к протестующим. Может быть, их к этому сподвигнут экономические трудности. В общем, я думаю, конец режима приблизился с этой войной, хоть какой-то светлый момент.

## Наиль Фаткуллин

профессор, преподаватель,  
физик-теоретик, 67 лет  
Казань, Республика Татарстан

Интервью записано  
в мае 2022 года



**24** февраля я сразу подумал: власть перешла границы допустимого. Они там занимаются самоубийством и ставят под удар страну. Через несколько дней я подписал открытое письмо учёных и научных журналистов с осуждением происходящего. «Нам горько сознавать, что наша страна, вместе с другими республиками бывшего СССР внёсшая решающий вклад в победу над нацизмом, сейчас стала поджигателем новой войны на европейском континенте», — говорилось в том письме.

9 мая я сам стал инициатором антивоенного обращения, поскольку увидел чудовищные масштабы катастрофы. Речь идёт о десятках тысяч убитых, искалеченных, о миллионах беженцев. Это огромное горе. Молчать становилось совсем некрасиво. Я написал следующее: «Россия стала страной-изгоем, против нас de facto подавляющая часть экономически развитых стран мира. Политика путинизма превратила нас во врагов человеческой цивилизации. Нам и нашим детям в течение длительного исторического времени придётся краснеть и оправдываться в связи с происходящими

сегодня в Украине событиями. Всё это делается якобы с нашего согласия, во имя нас и уж абсолютно точно за наш счет, поскольку финансируется госбюджетом, формирующимся на основе собираемых с нас налогов. <...> Требую немедленно прекратить военные действия в Украине и вывести российские войска за пределы международно признанных границ Украины». Своё обращения я разослал коллегам по Казанскому федеральному университету.

Трое-четверо коллег сразу ответили на письмо и сказали, что поддерживают меня. Человек четыре-пять выразили своё негативное отношение, и человек десять-пятнадцать, которых я встречал на улице, пожимали мне руку. Со студентами я своё письмо не обсуждал. То, что я настроен антипутински, очевидно. Студенты это знают, но всякие попытки беседовать со мной на политические темы я, как правило, пресекаю.

Уже 16 мая исполняющий обязанности прокурора Казани вынес мне «предостережение о недопустимости нарушения закона». В нём говорилось, что «в условиях современной социально-экономической напряженности и с учётом факта наличия протестной активности лиц, выступающих против проведения Вооружёнными Силами РФ специальной операции на территории Украины, рассылка писем подобного содержания может иметь негативные последствия, в том числе потенциально способна спровоцировать организацию несанкционированных публичных мероприятий».

20 мая по электронной почте мне сообщили, что аттестационная комиссия не рекомендовала меня на должность профессора кафедры физики и молекуляр-

ных систем. В секретариате уточнили: «По наукометрическим показателям вопросов не было. Замечания были в отношении политических высказываний: в смысле их недопустимости в этическом аспекте для работника образовательной сферы».

26 мая прошло заседание Учёного совета КФУ, на котором большинством голосов (38 против 28) было принято решение, что я не прошёл конкурсный отбор на должность профессора кафедры физики и молекулярных систем на следующие пять лет. Ученый Совет счёл мое поведение неэтичным для профессора Казанского университета. Претензии были исключительно в связи с этим открытым письмом. Звучало это примерно так: неэтичные политические высказывания в адрес правительства или что-то в этом духе. Иначе говоря, претензий к науке в мой адрес нет, претензий к преподаванию — тоже.

Таким образом, на Учёном совете было сформулировано современное кредо: «Все профессора и преподаватели университета должны однозначно одобрять любое решение правительства, однозначно одобрять любой шаг президента, всячески выражать ему поддержку и восхищение. Если они этого не делают, они не имеют права работать в университете». Как физик-теоретик, понимая, что мир устроен вероятностно, я после своего письма ничего не исключал, но всё-таки думал, что университет так прямолинейно действовать не будет.

Почему другие преподаватели не выступают публично с осуждением военных действий? Всё дело в отсутствии постоянной ставки (то есть постоянной должности): люди боятся. По закону через каждые пять лет вас могут



не переизбрать, иными словами, можно устроить вашу отставку. В Германии, например, если вы получаете позицию профессора, вы в принципе больше не переизбираетесь. Потом вы выходите на пенсию и получаете как пенсионер 70-80% от вашей основной ставки. Мне идет 68-й год, и я планировал через несколько лет полностью выйти на пенсию, но у нас ввели систему, что вашу кандидатуру пересматривают каждые пять лет. Какие бы у вас ни были успехи, всё можно организовать так, что если за вас не проголосует Учёный совет, то вы — на обочине.

Когда я был аспирантом, у меня была возможность эмигрировать, была масса предложений. Я понимал, что СССР — далеко не передовая страна, но, по крайней мере, страна третьего мира, то есть мы не можем быть хуже Турции или Аргентины. Там профессор имеет оклад около двух тысяч долларов в месяц и пенсию в тысячу долларов. Я — человек, занимающийся наукой, мне особенно много денег не нужно. Я рассчитывал, что ко времени, когда наступит мой пенсионный возраст, Россия уж точно выйдет на уровень Турции или Аргентины, но я допустил серьёзную ошибку. Уравнение нелинейное, поэтому, к сожалению, оказалось возможным и иное поведение: у нас нет роста, мы деградируем, чего я не учёл.

Сейчас, если бы я был профессором в Германии, я бы ушёл на пенсию, как и мои ровесники. Моя пенсия в России — 14 100 рублей. Что ж, начну новую жизнь российского пенсионера<sup>65</sup>.

---

<sup>65</sup> В июне 2022 года Вахитовский районный суд Казани оштрафовал Фаткуллина на 15 тысяч рублей по статье о «дискредитации армии» за его антивоенное письмо.

## Елена Байбекова

учительница математики, 45 лет  
Астрахань,  
Астраханская область

Интервью записано  
в апреле 2022 года



**22** февраля, ещё до начала войны, я выходила на пикет на Вокзальную площадь Астрахани. Стояла около торгового центра с плакатом «Путин = война = кризис = деградация = межнациональная вражда». Я сама видела, как один из прохожих возмутился и вызвал полицию, поэтому перешла на соседнюю улицу. Полиция меня там не нашла, но потом сотрудники ломались ко мне домой, чтобы вручить повестку, но дверь я им не открыла. Спустя пару дней они опять приехали: очередной прохожий вызвал наряд, увидев, что у меня на балконе сушатся полотенца, синее и жёлтое. В тот день меня и забрали в отдел полиции.

Суд занял буквально три минуты, и я была арестована на пять суток за «неповиновение» полицейским<sup>66</sup>. Меня бросили в камеру с алкогольчиками, которые постоянно курили. Я сразу же объявила голодовку, но только на третий день догадалась оформить её пись-

---

<sup>66</sup> Статья 19.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции».

менно. Тогда ко мне стали ходить врачи и проверяющие из прокуратуры. До этого со мной никто из сотрудников не церемонился, не спрашивал, как я себя чувствую, зато постоянно «выдёргивали» моих сокамерниц, чтобы расспросить обо мне.

То были не самые приятные пять дней, и дело даже не в голоде, не в запахе дыма — там просто не было света. Это такая психологическая пытка, наверное: все лампы тусклые-претусклые, да и те замазаны краской, так что свет еле пробивается. В общем, арест закончился, а когда я вышла, то узнала, что, оказывается, сама виновата и стала злостной прогульщицей. Не то чтобы до этого я была любимицей руководства школы, но, видимо, эта история стала для них последней каплей.

Об увольнении из школы я узнала от секретаря, когда зашла за справкой: директор вообще любит делать гнусности чужими руками. У меня к тому времени уже было дисциплинарное взыскание: однажды я опоздала в школу на несколько часов, так как всю предыдущую ночь провела в дороге, в автобусе. Я ездила в другой город, чтобы сходить на кладбище к папе: исполнилось пять лет со дня его смерти. И вот я вернулась, поспала немного, а к обеду пошла в школу. Был период каникул, так что я не пропустила ни одного урока. Формально учителя должны в рабочие дни находиться в школе, но многие всё равно не ходят, и обычно никаких неприятностей у них не возникает. В моём случае было совсем иначе: мне это опоздание засчитали как прогул. На следующий день меня вызвали к директору, а позже именно на этом основании уволили, по статье за «однократное грубое нарушение работником своих обязанностей».

У меня и так были натянутые отношения с директором после административного ареста за антивоенный пикет. Когда я вернулась на работу, директор вызвала меня в кабинет и вынесла выговор за отсутствие на рабочем месте в течение пяти дней. Их я провела в спецприёмнике<sup>67</sup>, но тем не менее это сочли прогулом, как будто я сама туда напросилась. Видимо, уже тогда они решили меня уволить.

Я, наверное, раздражала руководство все три года, что работала в школе. Как только я пришла, то прекратила практику «подношений» подарков родителями. Я объявила, что не приму никаких подарков на 8 марта<sup>68</sup> или на День учителя. В школах же всегда так: родители целыми пакетами несут подарки каждому учителю, а педагоги их радостно принимают. Мне казалось, что хоть кто-то должен прекратить эту порочную практику. Конечно, некоторых коллег это откровенно взбесило.

Я всегда пыталась что-то делать. Взять летние каникулы: ну, не могу я целый месяц просто так сидеть на вахте, нужно же проводить время с пользой. За одно лето я написала тридцать писем потенциальным спонсорам, чтобы нам выделили деньги на мебель для учительской, потому что она выглядела словно после атомной войны — сорок лет без ремонта. Купила семь хороших стульев, чтобы учительницы хотя бы колготки о них не рвали. Так на меня весь коллектив смотрел как

---

<sup>67</sup> Пенитенциарное учреждение в России, в задачи которого входит содержание лиц, подвергнутых административному аресту.

<sup>68</sup> 8 марта — Международный женский день. В России является официальным выходным днём.

на дуру, только двое или трое сказали «спасибо». Когда я купила для школы цветочные горшки, история повторилась. У детей не было мяча, чтобы в футбол играть, — они играли деревянными моделями геометрических фигур. Я ходила к министру спорта, объяснила ситуацию, и тогда нам привезли кучу мячей, два новых теннисных стола, ракетки. Многие другие учителя не умеют и не хотят этим заниматься, так что я понимаю, чем раздражала их всё это время.

Любая инициатива наказуема, потому что все привыкли «строиться», не задавать неудобных вопросов и просто на всякий случай ни о чём не задумываться. Буквально за пару часов до моего увольнения был педагогический совет, где директор сказала, что всем учителям в марте сократят зарплату, потому что школе урезали финансирование. Как вы думаете, какая была реакция? Пятьдесят шесть человек в коллективе — и никто не возмутился, даже ничего не спросил. Наоборот, все смиренно сидели и чуть ли не благодарили, мол, хоть что-то заплатят — уже хорошо, спасибо за такую щедрость! Я просто поражаюсь, насколько наши люди выгоревшие, насколько утратили всякое достоинство.

Я ведь не всегда в школе работала — много лет у меня был свой бизнес, свой образовательный центр. Мы обучали детей по методике Монтессори: она предполагает ненасильственное образование через свободу. К сожалению, в России трудно заниматься такой деятельностью. В итоге пришлось закрыть центр и пойти учителем в обычную школу. Я выбрала математику именно потому, что она даёт ощущение стабильности и почвы под ногами: дискриминант и через сто лет будет дискрими-

нантом. Мне захотелось преподавать математику, чтобы не сойти с ума от того, что происходит в нашей стране.

И вот однажды вызывает меня директор и говорит: «Поступила жалоба, что вы на уроках говорите о политической ситуации в России». Я работаю в старших классах, и дети, действительно, часто спрашивали, как я отношусь, например, к Владимиру Путину или к Алексею Навальному, но я запретила себе говорить об этом в стенах школы. Все подобные разговоры с детьми я пресекала на корню. Я так и ответила директору: «Вы, наверное, не верите, что может быть такое внутреннее ограничение. Вам, людям, лишенным совести, трудно это понять, но любой из учеников подтвердит мои слова».

Как и в других школах, в нашей тоже проводились специальные уроки на тему событий в Украине. Несколько учителей рассказали мне, как всё было организовано. По сути дела, разные преподаватели сами выбирали, как именно подавать этот материал, спущенный сверху. У нас есть молодая учительница истории, которая всё понимает, — она хоть как-то старалась сгладить углы, опустить самые радикальные и антинаучные вещи. Но есть и другой «историк» — махровый сталинист, у него и бюст Иосифа Сталина в кабинете стоит. Он верит в это извращённое понимание истории и нынешней ситуации, которое исходит из телевизора, и на своём уроке с пеной у рта доказывал детям, что все украинцы — фашисты.

Это особенно грустно, если задуматься о роли учителя в обществе. До того как начать устраивать пикеты, я долгое время думала, что просто не смогу взять и выйти на улицу, чтобы заявить своё мнение. Я не знала, что

способна на это. А потом как-то раз — и началось. Без какого-то конкретного повода — просто по совокупности проблем в нашем обществе. Примерно в 2018 году я стала выходить на пикеты по разным поводам. В школе я всегда молчала о своей позиции, но на улице стала высказываться. Меня однажды спросили, зачем я это делаю. Я ответила: «Я считаю, что учитель, как никто другой, должен быть честным. И сам с собой, и с учениками, и с коллегами, и с родителями: говорить им неудобную правду. Если я не выскажу свою позицию, тогда кто же? От кого ждать честности, как не от учителя?»

Сейчас я склонна думать, что многие учителя верят в официальную версию событий, происходящих в Украине, в методички властей. Я недавно нашла в классе бумажку, где было написано «хохлы» — и дальше текст нецензурными словами. Вот так дети об украинцах думают, так они написали. Что же тогда творится в головах у взрослых? Но, конечно, не у всех. После увольнения несколько родителей и учеников мне писали, звонили, говорили слова поддержки. Когда я сидела в спецприёмнике, мне написали туда две учительницы, мол, они полностью на моей стороне, но сами не могут вести себя таким образом. Но это две, всего лишь две коллеги — из коллектива в 56 человек.



**Idel.Realii**



[idelreal.org](http://idelreal.org)